

КАРИНА ВАЛЫЦ

Семь снов
ЭЛЬФИНЫ
РЕЙН

#trendbooks (Clever)

Карина Вальц

Семь снов Эльфины Рейн

«Издательство CLEVER»

2023

Вальц К.

Семь снов Эльфины Рейн / К. Вальц — «Издательство CLEVER»,
2023 — (#trendbooks (Clever))

ISBN 978-5-00-252059-6

Многие в университете Глетчерхорн хотели бы забыть о страшной гибели всеобщей любимицы Бланки де ла Серда. Дело быстро замяли, но у близких девушки остались вопросы. Ее друг детства Фаустино де Веласко обращается за помощью к знаменитой Эльфине Рейн. Загадочная Эльфина регулярно нарушает правила университета и ворует чужие воспоминания. За деньги она готова выполнить любой заказ, даже расследование убийства. Но по зубам ли Эльфине Рейн это дело, если с каждой новой уликой оно принимает личный и все более опасный оборот? А еще в Эльфине будто живут совершенно разные личности. Одна из которых явно равнодушна к Фаустино... Книга также выходила под названием «Множественные сны Эльфины Рейн».

ISBN 978-5-00-252059-6

© Вальц К., 2023

© Издательство CLEVER, 2023

Содержание

Часть 1	7
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	23
Глава 7	26
Глава 8	29
Глава 9	32
Глава 10	35
Часть 2	39
Глава 11	39
Глава 12	42
Глава 13	46
Глава 14	49
Глава 15	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Карина Вальц

Семь снов Эльфины Рейн

Привет, дорогие читатели!

Вы держите в руках книгу редакции Trendbooks.

Наша команда создает книги, в которых сочетаются чистые эмоции, захватывающие сюжеты и высокое литературное качество.

Вам понравилась книга? Нам интересно ваше мнение!

Оставьте отзыв о прочитанном, мы любим читать ваши отзывы!

© Карина Вальц, 2025

© ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2025

Иллюстрация на обложке © Miorin (Елизавета Извекова)

Книги – наш хлёбъ

Наша миссия: «Мы создаём мир идей для счастья взрослых и детей»

* * *

Семь снов
ЭЛЬФИНЫ
РЕЙН

КАРИНА ВАЛЬЦ

Часть 1

Сны проказника Шарля де Крюссолья

Глава 1

ВЫХОДНЫЕ ПРОЙДУТ ВЕСЕЛО – вот что поняла Эльфина Рейн, наблюдая за Шарлем де Крюссолем, сыном знаменитого французского миллиардера. Тот самый случай, когда на миллиарды отца можно купить все, кроме самого важного. Шарль де Крюссоль уже несколько часов напивался в баре швейцарской деревушки Фиш, вел себя громко и развязно, мешая остальным гостям и создавая неудобства сотрудникам. Бармена он пытался спровоцировать на бестолковый спор («Спорим, что официантка покажет грудь моим приятелям?»), а самой официантке раз двадцать крикнул про испачканную мелом пятую точку. И нет, Шарлю де Крюссолью не пять лет, как могло показаться, парень уже в том возрасте, когда в баре можно находиться легально и так же легально бесить всех вокруг. Де Крюссолья окружали такие же «умные» лбы, как и он сам, – не зря говорят, что подобное тянется к подобному.

Эль ждала момента, когда можно будет дотянуться до Шарля, но все время что-то мешало. Сначала трезвость компании, затем исчезновение де Крюссолья (уходил в туалет с красоткой из бара), а после – попытка поспорить с барменом. Но Эль верила в скорый успех: компания де Крюссолья достаточно налилась, чтобы упустить из вида ее маленькую, совсем маленькую и крайне незаконную шалость. Эль собиралась подкинуть Шарлю де Крюссолью паразита сознания.

Паразит – это продукт мира снов, и этот малыш безобиден сам по себе. Но с ушлым хозяином... Не зря подобная шалость считается незаконной. Паразит способен подчинить зараженного полностью; медленно, но верно он овладевает частью мозга, отвечающей за сновидения. А сны отражают мысли, реальность и даже человеческую душу. Проникнуть в сны человека – значит узнать о нем все. Секреты, тайны, страхи и желания... все. На это требуется время... и паразит, ведь он способен лишить человека естественной защиты и оставить личность злоумышленника в тайне.

Как только Эль заметила, что дружки Шарля отправились на танцпол, она поспешила подобраться ближе к своей добыче. В какой-то момент они с де Крюссолем столкнулись, он глянул на девушку пьяным взглядом, а она призывно улыбнулась. Большого не потребовалось – через пару секунд Шарль притянул Эльфину к себе и схватил ее за пятую точку. Эль прикинула к нему с поцелуем, проникая языком в рот и думая о том, что позже придется почистить зубы раз пятьдесят, пока десны не начнут кровоточить. А пока сладко постанывала, изображая живой интерес.

Тем временем паразит сознания запустил свои крохотные лапки в жертву – Шарль де Крюссоль ничего не заметил. Но это и неудивительно, ведь паразиты всегда разные, смотря из какого сна их достать. Эль выбрала незаметного кроху и ловко отвлекла будущую жертву. Контакт состоялся, это уже чувствовалось. Эльфина кое-как оторвалась от парня и сообщила, что ей надо к бару, но она обязательно вернется.

– Нам будет хорошо вместе, детка, – жарко прошептал Шарль и шлепнул девушку пониже спины.

Совсем скоро паразит в его мозгу подарит Эльфине практически неограниченную власть, которую можно использовать во благо – например, сделать из Шарля человека хотя бы на время.

Но Эль никогда так не поступала. Одно дело – украсть информацию или восстановить справедливость за щедрую оплату, совсем другое – привлечь внимание к своей деятельности, меняя людей. Это нечестно, в конце концов. Даже придурки заслуживают право на свободу выбора. А именно свободу Эльфина Рейн ценила превыше всего, именно ради нее делала все, что делает.

Эль выскользнула из бара, стянула рыжий парик и засунула его в рюкзак. Поверх топа накинула толстовку с капюшоном и зашагала к подъемнику «Фишеральп», благо даже в час ночи он работал, пусть и с периодичностью раз в сорок пять минут. Но другого пути до университета «Глетчерхорн» не существовало. Сначала канатная дорога «Фишеральп», после – пересадка на «Глетчеральп», минут пятнадцать пешком до западной стены замка, подъем через окно в обход пропускной системы... Домой раньше двух часов ночи не добраться. Но что поделывать: заказ есть заказ, а бар в Фише для незаконных махинаций куда удобнее университетских местечек, где страстную незнакомку проще запомнить. Да, Шарль де Крюссоль тоже из Глетчерхорна.

Поэтому Эль не удивилась, когда в кабину подъемника к ней и кучке других припозднившихся студентов запрыгнула компания де Крюссоль в полном составе. Быстро их праздник свернулся, однако. Эль мысленно поморщилась, натянула капюшон толстовки на лоб и отошла в дальний угол, хотя можно было не стараться – вряд ли Шарль запомнил лицо незнакомки. В его памяти отложилась блестящая копна рыжих волос, а не три белесые волосинки в хвостике – пепельный блонд бывает жесток, покраска дважды в месяц уничтожала волосы Эль, но она была необходима ей так же, как и паразит сознания, подкинутый сыну французского миллиардера. Жизнь Эльфины Рейн полна сложностей.

Свобода. Все ради нее, родимой.

– Гляньте, это же все наши? – Де Крюссоль понизил голос, но его шепот слышался острее, чем обычный говор.

– Нет, туристы, – проворчал его приятель Фаустино де Веласко, наследник... Да, его отец тоже миллиардер. А еще он работает в Комиссии, возглавляет отдел мыслителей, или *cogitatio*, что намного круче завалящего миллиардерства, которым в Глетчерхорне может похвастать едва ли не каждый.

– Думаешь? Не похожи...

– Это был сарказм.

– Понятно. Скучно.

– А ты сам как думаешь, де Крюссоль? – В разговор вступил приятель номер три, Генри Кавендиш. Миллиардерство и отец-политик прилагаются. Добро пожаловать в мир виаторов – людей, способных управлять снами. В этом мире бедных родственников не существует в природе. Зато древних семей, интриг и взаимной ненависти, передающейся из поколения в поколение, хоть отбавляй. – Это же канатка, ведущая в замок, кто еще сюда мог сесть?

– Предлагаю спор: каждый выберет себе по сонливой красотке. Кто первый уболтает свою на экскурсию в комнату с продолжением, если понимаете, о чем я, тот победил. Остальные устроят голую пробежку во время завтрака, а то в последнее время Глетчерхорн совсем приуныл, ни одного инцидента. Траур трауром, но год назад было так весело...

– Не ты ли на прошлой неделе выпрыгнул в окно без трусов?

– Целая неделя прошла! Ужас какой...

Кабина подъемника была не настолько велика, чтобы остальные пассажиры парней не услышали. Хотя почти все нацепили наушники, и только Эль напряженно прислушивалась к пьяным разговорам, опасаясь, что де Крюссоль ее признает. Но он не признал, зато предложил очередное пари на пустом месте. Прежние догадки подтвердились: у Эль впереди много веселых дней. И хорошо, если это будут дни, а не недели... случалось всякое. Однажды после

визита в чужое подсознание Эль месяц практиковала голодание, ее вес опустился до критической отметки в сорок килограммов. Не самое приятное воспоминание.

– Если что, моя – кудрявенькая, – продолжил Шарль, кивая на будущую жертву, горячую красавицу со смуглой кожей.

Эль мысленно усмехнулась, ей даже стало интересно, а есть ли у де Крюссоля шанс попасть в комнату девушки или он получит по развеселым яйцам.

– Я пас, – лениво ответил Фаустино де Веласко и демонстративно зевнул.

– В тебе я не сомневался, ты вечный унылый пас!

Кабину подъемника тряхнуло, что значило одно: скоро пересадка. В этот раз долго ждать подъемника не пришлось, и вскоре та же компания зависла высоко над землей в кромешной темноте. Огни Фиша остались позади, «Глетчеральп» пряталась за горным перевалом, вдали от людских глаз.

Местные много говорят об этом подъемнике, на который не сажают туристов и куда невозможно купить прогулочный билет. По слухам, «Глетчеральп» ведет к дому некоего тайного миллиардера, не жалующего посторонних, а под ледником существует целая автомагистраль, по которой к миллиардеру съезжаются знаменитые гости. Этаким швейцарский Бэтмен с ледяной пещерой и подъемником вместо «Бэтмобиля». Впрочем, в слухах было много правды: миллиардеры в наличии, тайный замок, скрытый от посторонних, также реален. Прокол только с дорогой. Как вообще можно построить дорогу под ледником? И зачем? Хотя события прошлого года показали: ледник вовсе не стоит особняком и способен кого-то привлечь. Жестоких убийц.

Компания де Крюссоля продолжала шептаться, поглядывая на студентов, сидящих в кабинке, время от времени парни взрывались от хохота. И откуда у них столько энергии! Эль искренне надеялась, что подсознание Шарля подарит ей неисчерпаемый заряд бодрости... Глядя, как молодой человек подошел к кудрявой девушке и указал на ее грудь, заявив, что у нее испачкана футболка, Эльфина только вздохнула. Все же он был неисправимым придурком. Придется ей с этим смириться.

Кабина снова затряслась – это значило, что они добрались до пункта назначения. Эль порадовалась, что взяла с собой толстовку: если в Фише температура еще держалась на уровне двадцати градусов тепла, то в горах, да к тому же у ледника, по ночам было холодно. Она обняла себя за плечи и двинулась по широкой освещенной дороге, ведущей к университету «Глетчерхорн». Ночью картина завораживала: темные вершины гор и яркая подсветка старого замка со множеством башен, корпусов и пристроек. Три года назад, когда Эль впервые оказалась здесь, она долго любовалась этим захватывающим зрелищем, боясь поверить своим глазам: настолько прекрасным представлялось увиденное. Но все было реально – и в то же время казалось чьей-то красочной фантазией.

– Скучные вы, парни. – До девушки в очередной раз донеслось нытье Шарля де Крюссоля, который все уговаривал приятелей на сомнительный спор. – Эй, Фауст, ну хоть ты поддержи...

Дальнейшие фразы парней потонули во мраке – Эль прибавила шаг, порядком устав от высокоинтеллектуальных выкрутасов однокурсников-виаторов. Тем более что Шарль еще какое-то время побудет с ней, с Эль, так что она успеет насладиться его «лучшими» качествами. Сомнус человека, или его подсознание, *всегда* оставлял на девушке след. Это ее дар и ее проклятие, с которым невозможно бороться. Эльфина Рейн такой родилась. И этим отличалась от многих.

Глава 2

Фауст

– НУ И ХОЛОД ЗДЕСЬ! Поскорее бы свалить в нормальный мир, достал этот Глетчерхорн. – Шарль догнал приятелей, потирая плечи в попытке согреться.

– Что такое, кудряшка тебя прогнала? – засмеялся Генри.

– Да я сам ушел!

– Не осталось в Глетчерхорне людей, не знакомых с твоим обаянием. Даже рыжая обломщица из бара исчезла! Может, она тебе привиделась? Кроме тебя, ее и не заметил никто...

– Да пошла она! И ты не прав, в Глетчерхорне другая проблема: не осталось *нормальных* людей, способных веселиться. Нам по двадцать лет, самое время трахаться напрапалую и делать все, что вздумается. Стариками еще стать успеем. Такое чувство, что в этой глуши из нас лепят наших предков со всеми этими «влияниями на рынок ценных бумаг через призму подсознания»...

– Ну ты загнул, – присвистнул Генри.

– Да был у меня разговор с отцом летом, – отмахнулся Шарль и поддел плечом приятеля. – Вон Фауст наверняка понимает, о чем я, его с детства к Комиссии приписали: «Быть тебе великим мыслителем, Фаустино!», «Не расстраивай отца, Фаустино!», «Не забывай демонстрировать миру фирменное унылое лицо де Веласко, Фаустино!».

Не обращая внимания на тычки Шарля, Фауст смотрел вслед стремительно удаляющейся девушке. Значит, это и есть Эльфина Рейн? Похоже на то. И той рыжей «обломщицей», как метко обозвал ее Генри, была она же. Неожиданно. Честно говоря, Фауст ни за что бы не соединил этих двоих в одну личность, если бы не был настороже весь вечер и действительно пил с друзьями, а не только делал вид. Он знал, что Эльфина Рейн появится рано или поздно, и большие надежды возлагал именно на эту вылазку в деревеньку Фиш. Что ж, надежды оправдались.

Пока они ехали на подъемнике, Фауст исподтишка разглядывал девушку, запоминая ее черты, чтобы не ошибиться в следующий раз. Эльфина Рейн училась в Глетчерхорне уже четвертый год, как и сам Фауст, возможно, они даже пересекались на лекциях и практиках, вместе окунались в миры чужих снов, видели друг друга на мероприятиях, состязаниях и изнурительных тестах Комиссии. Наверняка!

Вот только Фауст не смог припомнить ни одну такую встречу.

Быть может, дело в самой Эльфине Рейн, которая не обладала примечательной внешностью и на первый взгляд казалась... никакой. Вроде бы и лицо симпатичное, и скрытая под толстовкой фигура неплоха (рыжая красотка в баре была вполне себе сексуальной), но глаз за Эльфину не цеплялся. Хотя и Фауст не из тех, кто часто заглядывается на девушек и думает, что в двадцать лет надо «трахаться напрапалую и делать все, что вздумается». Многие считали его высокомерным и холодным, как ледник, что, пожалуй, отчасти было правдой. Но недостаток ли это? Вряд ли.

А вот тому, что его искренне интересовало, Фаустино отдавался всей душой. Он нырял в мир снов, не жалея времени и сил, чтобы исследовать его законы, постигать логику. Логика есть везде, а уж в Сомнусе на ней держится все. Это только на первый взгляд сновидения кажутся неорганизованной фантасмагорией, на деле же за каждым событием, каждым образом что-то стоит. Фауст относился к мыслителям, но также он был и талантливым программистом. А недавно стал взломщиком, хотя на «взлом» ушло много времени. Он едва не спятил, пытаясь нарушить все существующие правила, но неизменно верил в себя, в логику происходящего. И добился успеха.

Взлом прошел успешно, и теперь ему была нужна Эльфина Рейн. Но для начала пусть покажет себя.

Фауст не причислял себя к людям доверчивым, ему нравилось все проверять и контролировать. Поэтому он организовал для девушки квест с Шарлем и его подсознанием – банальное задание, но только на первый взгляд. А дальше... дальше все зависит от Эльфины. Хотя она уже блестяще справилась. Дело оставалось за Пауком, на которого работала Эльфина Рейн. И если девушку многие знали хотя бы по имени, то личность Паука была тайной.

Просто *Паук*.

– Он может все, – говорил кто-то.

– Он не студент, это точно.

– Однажды я видела его тень.

И прочее в том же духе.

Фауст же склонялся к мысли, что Паук – просто материалист, или *materia*, способный *извлечь, материализовать* из мира подсознания всякое за внушительную плату. Этот виатор, готовый рискнуть всем ради каких-то денег, для многих был настоящим благословением. Потому что ни один материалист не уступит мыслителю, не пойдет навстречу, не поможет. Можно шантажировать, предлагать несметные богатства, да все, что угодно, делать! Но ответом будет отказ. Материалисты – те еще скоты. Кто-то считал их элитой, а кто-то – обиженными на весь мир.

Среди виаторов девяносто пять процентов были мыслителями. Путешественниками по мирам снов. Но ни один путешественник не умеет извлекать нужные сведения, такое подвластно лишь материалистам. Этим-то они и опасны – умением материализовать что угодно. Паразит сознания – вершина айсберга, ведь рядом с паразитами обитают черви, клещи и много еще даже неназванного, неисследованного.

А еще *кошмары*.

Когда-то гигантский метеорит уничтожил динозавров. А до этого кошмары уничтожили первую человеческую цивилизацию. Выжила лишь жалкая кучка виаторов, они и стали новым началом. Поэтому виаторами, сноходцами, так или иначе являются все люди, но для большинства мир Сомнус – это набор бессвязных сновидений, не более.

Хотя находились и те, кто верил в способность увидеть во снах будущее. И это правда возможно. Для *временников* – еще одного вида виаторов. Если материалисты были редкостью, то временник был всего один, и он возглавлял Комиссию.

Астралы завершали этот список. Они не считались мощным большинством, как мыслители, или элитой, как материалисты, но обладали способностью существовать в двух мирах одновременно. Видеть сны и поглощать обед. Самым сильным из них вообще не требовался сон, но это было мелочью, если сравнивать с остальными.

Отношения между разными видами виаторов были сложными.

– Мыслители держат этот мир, – внушала ему в детстве мать.

– Мыслители такие ограниченные и всегда жестокие, – утверждала на одной из лекций девушка-материалистка. – Их методы сравнимы с Большим Братом, а это для всех шаг назад.

– Астралы никчемные, от них нет прока.

– Временник один. Можем ли мы верить в его предсказания?

– Материалисты опять погубят мир.

Подобные споры не утихали никогда. Фаустино слышал их в детстве, потом в Глетчерхорне и наверняка прослушает всю жизнь, хотя они уже оскомину набили. Многие виаторы верили в приход нового кошмара, в очередной конец света. Так предсказал временник, а кошмар может появиться среди людей лишь с помощью материалиста. Это порождало бурные обсуждения.

Но Фауста мало интересовали теории заговоров, стычки сновидческих идеологий и разборки между виаторами разных направленностей. Он со всей страстью, со всем упорством, на которое был способен, отдавался расследованию убийства Бланки де ла Серда, «ледяной девушки». В прошлом году Бланку нашли замерзшей в Алечском леднике, она угодила в одно из ущелий и осталась нам навсегда.

Говорят, Бланка была не в себе.

Говорят, на ледник ее заманил молодой преподаватель, увлеченный своей студенткой. Бланка упала, а он не пришел на помощь. Когда стало теплее, ледник начал таять и вокруг девушки собралось много воды, которая ночью превратилась в слой льда. С наступлением холодов слой льда окутал Бланку. На момент обнаружения она полностью вросла в ледник. С открытым ртом, распахнутыми глазами она не выглядела мертвой, скорее просто застывшей; казалось, достаточно отогреть лед, чтобы Бланка смогла моргнуть, ожить... но так не бывает.

Поначалу произошедшее списали на несчастный случай, но в деле было много вопросов. Комиссия провела расследование, молодой преподаватель мсье Лерой быстро стал первым и единственным подозреваемым. И он признался, что заманил Бланку на ледник, столкнул ее в расщелину и оставил замерзать, обиженный на отказ и злые слова девушки. Бланка молила о прощении, просила ее вытащить, обещала любить, но он ей не поверил и бросил умирать в ледяных стенах. Это было убийство, жестокое и несправедливое. Преподавателя пожизненно заточили в тюрьму Комиссии – обычное дело для преступников-виаторов. Сомнус может быть жестоким. Комиссия постаралась, чтобы убийцы не знали пощады до конца своих дней.

Казалось бы, справедливость восторжествовала. Вот только Фауст не верил. Не верил проведенному расследованию, не верил выводам Комиссии.

Фауст знал Бланку с детства, и она точно не могла отправиться к леднику на какую-то там встречу. Ни за что. К леднику не добраться на каблуках, а другой обуви Бланка не признавала. Длинные прогулки ей тоже не нравились, как и скалы. Учась в Глетчерхорне, она редко выходила за пределы замка, разве что добиралась до вертолетной площадки, чтобы на выходные улететь домой в Мадрид. В расследовании были очевидные пробелы.

Фауст видел фотографии с места убийства – помог взлом отцовского подсознания. На снимках Бланка вмерзла в ледник, все как в страшных слухах. Но слухи не могли описать картину целиком. Едва взглянув на фото, Фауст понял: Бланка не падала в расщелину, не замерзала там мучительно и медленно. Бланку заморозили живой, она попала в сердцевину ледника одним движением, так быстро, что не успела закрыть глаза, а рот ее искажился в вечном крике.

И на такое способны только материалисты.

Как ни странно, Комиссия рассмотрела и эту возможность, все материалисты Глетчерхорна были опрошены. Был ли среди них Паук? Наверняка, дар виатора *всегда* имеет одну направленность, и ее никак не скрыть. Но говорил ли Паук правду, отвечая на вопросы Комиссии?

Подозревал ли его Фауст в убийстве?

Возможно, ведь мысль о Пауке, о том, что он вообще существует, не давала ему покоя. Что-то с ним не так, с этим Пауком. Как и с убийством, в котором замешан материалист. Раз Паук согласен на многое ради денег, почему бы ему не согласиться на убийство Бланки? Мсье Лерой мог быть заказчиком, но никак не исполнителем, а наказаны должны быть все причастные.

Фауст был настроен серьезно. Он свернет горы, но выяснит правду. И Эльфина Рейн ему в этом поможет, сознательно или нет. Говорят, эта девушка способна на многое, говорят, ей подвластны сами кошмары. Пришло время проверить, правдивы ли слухи, и посмотреть, как на самом деле она справляется с ночными ужасами.

Глава 3

ЧЕРЕЗ ТРИ ДНЯ после поездки в Фиш Эль посетила подсознание Шарля де Крюссоля. Обычно чужое подсознание, особенно если оно принадлежит мыслителю, закрыто – это естественная защита человека. Но любую защиту можно взломать, создав прореху, *точку перехода*. Внедренный паразит сделал это для Эль.

Теперь Шарль не заметит наглого вторжения в свой Сомнус. А если и заметит, то не запомнит лишних деталей. Так можно выведывать секреты, внедрять мысли и чувства, это практически психотерапия, но с существенным отличием: человек не замечает копания в его мозгах. Можно творить все, что угодно. Внедрять мысли и чувства сложно, это требует времени и сноровки, но теоретически под силу любому мыслителю. Вопрос только в доступе. И паразите.

Сомнус каждого человека индивидуален. Это не личный выбор, это работа подсознания. Кто-то выбирает яркие миры сюрреализма, кто-то мрачную безысходность с вечным серым ливнем и тяжелыми тучами над головой. И не всегда по человеку можно определить детали его подсознания. Однажды Эль проникла в Сомнус девушки-Барби, с ужасом ожидая купания в розовой сладкой вате, а попала в черно-белый нуар с пресловутым ливнем. Ни единого пушистого облачка, ни намек на полет фантазии, только жестокая реальность. Примерно тогда Эль перестала судить по внешности и поняла, что у многих красотонок-Барби в шкафах прячутся вовсе не розовые пони, а мрачные скелеты, щедро политые кровавым дождем.

– Внешность обманчива, тебе ли не знать, – любил повторять ее друг Гай.

С Шарлем де Крюссолем сюрпризов не возникло. Все, что пряталось в его подсознании, было написано на его симпатичном, но бестолковом лице. Сомнус де Крюссоля выглядел как солнечное место с изумрудными лужайками, прямой, как стрела, дорогой до центра подсознания, которое среди виаторов (в основном на скучных университетских лекциях, если честно) звалось Гипносом, множеством пин-ап-плакатов с красотками и мигающими стрелками, указывающими направление. Пахло жареным мясом и попкорном, словно Эль попала в подсознание похотливого американского дальнобойщика.

Девушка шла по изнанке де Крюссоля медленно, с любопытством изучая обстановку. Возможно, ей придется вернуться, порой поиски информации занимали не один день. Все зависело от человека. Шагая по ровной дороге, щурясь от яркого солнца и количества разноцветных мигающих вывесок, Эль верила в лучшие качества Шарля де Крюссоля. Например, в его бесхитрость, которая выпирала вместе со светящимися стрелками. А ведь Эль видела подсознания настолько сложные, что воспоминания там прятались за морями, холмами и пустынями, кишасшими скорпионами самых разных размеров. А однажды, лишь однажды, Эль видела Сомнус, в котором ничего не было. Пустота, вакуум. И у нее до сих пор не было разгадки тому случаю.

Подсознание Шарля де Крюссоля оказалось ядреной смесью из Лас-Вегаса и Монако. Кажется, в Монако парень вырос, так что ничего удивительного. По улицам рассекали гоночные болиды, повсюду светились вывески казино и мотелей. Пин-ап-девушки превратились в настоящих грид-герлс, мир снов жил своей жизнью. И кошмары тоже жили.

Первое, что стоит запомнить о мире Сомнуса, – здесь все может обернуться кошмаром. А кошмары сильны настолько, насколько силен виатор, хозяин сна. Шарль де Крюссоль был силен, и банальность его подсознания может обмануть разве что новичка. Эль не сомневалась: кошмары Шарля де Крюссоля опасны. Чем бы они ни были... Эль до сих пор не знала, как они выглядят, умеют ли разговаривать, похожи ли на паразитов. Все, что ей было известно, – это продукты подсознания, существа, которым нельзя в мир людей.

– Может, потому, что они могут походить на людей. – Очередная мысль умного Гая. – Или еще хуже – быть ими.

– Зачем им быть людьми? – недоумевала Эль.

– Потому что человек может быть страшнее кошмара.

Но все это лишь теории.

У Эль же горела практика и подсознание однокурсника, которое всеми силами сопротивлялось вторжению. Да, даже с паразитом, что говорило о его силе. С каждым новым шагом девушки Сомнус Шарля взбрыкивал, гоночные болиды то ускорялись, то замедлялись, ползая по улицам Лже-Монако. Грид-герлс смотрели на Эль пустыми страшными глазницами. Девушка словно попала в зловещую долину, где все пестрело и переливалось, но лучше бы шел кровавый дождь. Мрачные варианты Сомнуса нравились Эль больше, нежели та напускная беззаботность, что предлагал мир Шарля де Крюссолья и от которой мурашки по всему телу.

Когда Эль обошла гоночный трек, ее ноги начали вязнуть в асфальте. Температура резко поднялась, стало жарко, приходилось бороться за каждый шаг. По лбу Эль стекали капли пота, которые падали на асфальт и с шипением испарялись. Подсознание Шарля де Крюссолья сопротивлялось, несмотря на внедренного паразита. Бестолковый на вид де Крюссоль оказался сильным виатором. Эль такой не по зубам. В одиночестве ей не справиться.

В очередной раз смахнув пот со лба, Эль сдалась и отправилась на выход. Сомнус Шарля де Крюссолья взбунтовался еще больше, подсознание не хотело отпускать злоумышленника, оно собиралось его уничтожить, замучить жарой, забетонировать, наказать за вторжение. Эль давненько не сталкивалась с подобными испытаниями. Успела привыкнуть к легким заданиям, расслабилась... Уже на четвереньках Эль выбралась на гоночную трассу и зажмурилась, слушая рев двигателей болидов. Они все ближе, уже за поворотом... Ноги Эль увязли по колено, когда на девушку наехала красно-черная «феррари» и расплющила ее по раскаленному асфальту.

Эль закричала и села в кровати, тяжело дыша. Матрас под девушкой промок насквозь, волосы слиплись от пота, а на ногах остались крошки остывшего битума – непроизвольное извлечение. Шарль де Крюссоль оказался крепким орешком, а Эль слишком расслабилась, вот и вышло все... как вышло. Неудачно. Девушка поморщилась от разочарования и отправилась в душ смывать следы ночных приключений. Включила ледяную воду – уж очень хотелось охладиться.

Пользуясь отсутствием соседки, Эль завалилась на ее сухую кровать, натянула одеяло до подбородка и опять провалилась в Сомнус. Но на этот раз выбрала человека, который всегда для нее открыт. Ей не нужен паразит, чтобы попасть в подсознание Гая, ведь Гай ее брат. Не кровный, но это не имеет значения. Отношения Гая и Эль все равно не вписались бы в такое банальное понятие, как «сиблинги». Они были одним целым. Эль умерла бы за Гая не задумываясь и точно знала, что он поступил бы так же. Возможно, во многом Эль и жила ради Гая, мечтала о свободе прежде всего для него, такого родного и дорогого, стоящего любой борьбы... Ничто в мире не остановит Эльфину Рейн, ведь у нее есть цель.

Когда-то Гай и Эль вместе сбежали из страшного места. И они туда не вернутся. Лучше утопнуть в раскаленном асфальте Лже-Монако под взглядами зловещих грид-герлс, чем стать заложниками прошлых кошмаров, реальных и жестоких. Эль собиралась сражаться до последнего вздоха за себя и за Гая.

Она окунулась в Сомнус Гая – пряничный городок, залитый лунным светом и освещенный яркими звездами. Эль сразу накрыло спокойствием и умиротворением, воспоминания о раскаленном асфальте и броских вывесках казино, моргающих со всех сторон, выветрились. Слабый ветер приятно охлаждал кожу, пахло печеными яблоками и корицей. Ох уж этот Гай и его любовь к штруделям! Эль улыбалась, двигаясь к сердцевине подсознания. Обычно там

коротали время виаторы, уходя в бессознательный сон. Виатор мог спать как обычный человек, но еще умел пробудиться во сне.

Дома расступились, и Эль увидела поляну, полную ярких цветов. Они светились изнутри. Стрекотали сверчки, а звезды висели так низко, что их можно было коснуться рукой. Эль широко улыбалась: все-таки подсознание – штука интимная и такая говорящая. Сейчас Гай находился буквально на ладони у девушки. И он был не один – на пикнике с симпатичной светловолосой женщиной. Они пили шампанское из искрящихся бокалов, смеялись и окунали клубнику в шоколад. Кажется, Эль рисковала нарушить интимность момента, хотя Гай, несмотря на вторжение, до сих пор крепко спал. Она подошла к парню, наклонилась к его уху и шепнула:

– Бу!

Гай подскочил на месте, шампанское пролилось на клетчатое одеяло, а девушка обернулась гигантским пауком и ускакала подальше от пробудившегося виатора, в глубь пряничного города. Кажется, Гай не хотел, чтобы Эль разглядела незнакомку.

– Эль? – пробормотал Гай, осоловело глядя на сестру.

– Нужна твоя помощь.

Глава 4

И ВОТ ОПЯТЬ ПЕРЕД Эльфиной улицы солнечного Монако, мигающие вывески, ревущие болиды и зловещие грид-герлс. Но рядом с ней Гай, поэтому она больше не боится раскаленного асфальта и враждебности подсознания Шарля де Крюссолья. Можно расслабиться и получать удовольствие.

– Надо было сразу позвать меня, – пробормотал Гай, с опаской поглядывая по сторонам. – Де Крюссоль, конечно, придурковат, но он прошел отбор в Комиссию с первого раза, он мыслитель высочайшего уровня.

– Де Крюссоль будет в Комиссии? – удивилась Эль.

– Он отказался от предложения, а отбор прошел на спор.

– А некоторые наизнанку готовы вывернуться ради такого предложения...

А кому-то и выворачиваться бесполезно. Эль не собиралась даже пытаться, потому что близость Комиссии для нее и хорошо и плохо одновременно. Скорее все же плохо – жизнь приучила ее прежде всего рассматривать пессимистичные варианты. А вот Гай прошел отбор и после Глетчерхорна собирался строить карьеру в мире виаторов. Зачем? Ответ один: свободы ради. И ради Эль.

– Значит, профессор Сага Хенриксен? – шутливо спросила Эль, поглядывая на Гая.

Симпатичную блондинку из его сна она узнала сразу – с этого семестра Сага преподавала в Глетчерхорне латынь. Латынь давно уже не в обиходе, но каждый виатор обязан был изъясняться на этом мертвом языке свободно – дань прошлому, но на прошлом зиждется будущее. Так говорят.

– Могла сделать вид, что ничего не видела, – буркнул Гай.

– Не могла. Она ведь профессор...

– Помню я! Ситуация под контролем.

– Просто будь осторожен, – вздохнула Эль.

Гай часто увлекался девушками постарше. Лет на десять постарше. Ровесниц он считал детьми, с которыми не о чем разговаривать, и только для Эль делал исключение, потому что не замечал в ней ровесницу или девушку, а, подобно самой Эль, видел родного человека, с которым и в огонь, и в воду, и в раскаленный Сомнус Шарля де Крюссолья посреди ночи без лишних объяснений. Но вот в одну постель... нет уж.

Эль часто задавалась вопросом, отчего так случилось, почему Гая тянуло на зрелых девиц. И ответ был один: парень повзрослел слишком рано. С двенадцати лет он вел совсем не детскую жизнь, не жил, а выживал. Заботился о себе и Эль, об их безопасности. О пропитании и крыше над головой. Когда им было по двенадцать, они покинули страшное место, в котором родились и почти выросли. Виаторы бывают не только миллиардерами, некоторые сбиваются в стаи ради ужасных целей, которые зовут благом. Из-за сомнительности этого блага Эль и Гай когда-то остались сами по себе, и именно Гай взял на себя роль старшего, за что Эль была ему безмерно благодарна. Она не голодала, не ходила в рваной одежде и ни разу не спала на улице.

Гаю только формально был двадцать один год, в душе он поседел в те же двенадцать.

Профессор Хенриксен выглядела женщиной неприступной, холодной. Ради таких мужчины часто сворачивают горы, а раз Гай всерьез увлекся, можно с уверенностью сказать: профессора Хенриксен ждет незабываемый семестр. Не родилась еще женщина, способная устоять перед таким красавчиком. Причем так думала не только обожающая его Эль. Высокий, почти два метра ростом, поджарый и гибкий, с широким разворотом плеч и узкой талией, Гай выделялся среди прочих парней Глетчерхорна. На него оборачивались студентки, а иногда и молоденькие профессорши. Его медные волосы переливались на солнце – не совсем рыжий,

но и не брывает. А эти зеленые кошачьи глаза! Добавить сюда улыбку с ямочками, которую он демонстрировал так редко, что каждая его поклонница мечтала из него эту самую улыбку вытянуть... Ореол недоступности и загадочности довершал и без того сочную картину.

– Что мы ищем? – деловито спросил Гай, когда они преодолели гоночную трассу и подо-
брались к казино – центру подсознания Шарля де Крюссоль. Именно там прячутся большин-
ство его кошмаров и радостей. А еще секретов.

– Воспоминание, – ответила Эль. – Миранда Боклер наняла меня для кражи воспомина-
ния. А еще просила удалить фотографии из облака, но это я сделала еще на прошлой неделе.
Просто заплатила кое-кому.

– Что за воспоминание?

– Интимного характера.

– Он ее шантажирует?

– Не думаю. Скорее достает грязными намеками. – Девушка вспомнила бестолковые при-
колы де Крюссоль и представила, как он подкалывает Миранду, имитируя оральный секс. Каза-
лось бы, сейчас это уже не в моде, но отчего-то до парней вроде Шарля такое доходит долго,
они искренне считают себя смешными и остроумными, шутя о пятых точках и выставляя гряз-
ное белье на всеобщее обозрение. А де Крюссоль, быть может, и засечки на кровати ставит.
Эль бы не удивилась.

С другой стороны, благодаря личностям вроде Шарля де Крюссоль у Эль всегда будет
работа.

Воспоминание она воровала далеко не первый раз. За три года в Глетчерхорне число
похожих заказов перевалило за сотню, а личный банковский счет Эль пестрил количеством
нулей.

– Разделимся? – предложила Эль.

– Нет уж, поищем вместе.

– Но...

– Шарль де Крюссоль тебе не по зубам, – отрезал Гай. – Я ведь тысячу раз просил тебя
не рисковать, а сразу обращаться ко мне, не брать заказы без моего ведома и тщательной про-
верки, но ты... – Он мотнул головой, останавливая себя. Потому что знал: Эльфине подобные
разговоры не по душе. Они давно уже договорились, что свобода стоит любого риска.

Гай взглянул на Эль уже мягче и сказал:

– Ты лучше всех, но сильные мыслители опасны даже для тебя, даже с паразитами созна-
ния. Мыслители могут преподнести сюрприз, их подсознание враждебно и трудноуправляемо.
Я боюсь, что однажды... что однажды ты застрянешь в чем-нибудь сне и не проснешься, а я
сойду с ума, пытаюсь отыскать тебя.

– Я всегда сообщаю о пункте назначения, сумасшествие тебе не грозит.

– Эль...

– Я не застряну, – глядя в глаза другу, сказала девушка. – Ни один кошмар не увлечет
меня, ты знаешь. Ни один кошмар и не пытался, если на то пошло. А подсознание мыслителя...
Сегодня я выбралась и пришла за тобой, так же сделаю и в следующий раз. Я не рискую пона-
прасну, а все, что делаю... понятно, зачем это.

– Да, только... – Гай покачал головой и отвернулся.

– Только что?

– Кажется, этот разговор не стоит вести у казино. Мы пришли сюда не прогулки ради,
займемся делом. – И он первым толкнул золотистую дверь.

Внутри все светилось золотом, бешено мигали вывески, плакаты, указатели... Гипноз
Шарля де Крюссоль выглядел, как это ни парадоксально, упорядоченным цирковым хаосом.
Казино с тысячами этажей, скоростными лифтами и гоночными болидами. Кажется, Шарль был
фанатом «Формулы-1».

– Лифт или гонки? – спросил Гай.

– Шутишь? Конечно, мы будем гонять!

Они запрыгнули в болид, который растянулся на два места. Паразит сознания плюс влияние сильного мыслителя Гая – и вот подсознание считает вторженцев хозяевами сна. Это не продлится долго, если Шарль силен настолько, что прошел тесты Комиссии шутки ради, рано или поздно произойдет очередной бунт, но пока Гай с восторгом схватился за руль, наугад нажимая кнопки. Болид сорвался с места, тело Эль вдавило в кресло, скорость на спидометре прыгала от трехсот километров в час до сотни на поворотах. Они летели по коридорам светящегося казино, по неорганизованной спирали поднимаясь вверх.

Привыкнув к прижимной силе, Эль засмеялась и с восторгом выкрикнула:

– Такое никогда не надоест, скажи?

На лице Гая мелькнула легкая улыбка... Та самая редкая, невидимая для других людей улыбка. Хотя какой парень не улыбнется за рулем гоночной «феррари»? Ответ простой: мертвый.

– Я вижу указатель с именем Миранды! – выкрикнула Эль на повороте. Скорость начала падать, маневренность на поворотах исчезла. – Подсознание? – догадалась девушка.

– Нам нужен пит-стоп, – важно заявил Гай, сворачивая в коридор.

Их окружили люди, колеса болида разлетелись по сторонам, и через пару секунд Гай вновь жал на газ, выруливая на свежей резине. Коридор был узким для «двойного» болида, но расступался, все еще принимая вторженцев. Хотя Эль уже чувствовала жару и температура росла. Запахло жженой резиной, а значит, и внутри казино обстановка накалялась в самом прямом смысле слова. Они с Гаем мчали по спирали, но теперь вместо мигающих указателей прямо из стен на них тарасились пустые глаза грид-герлс. Кошмары Шарля де Крюссоля оживали.

Гай смахнул со лба испарину и вцепился в руль:

– Сколько еще этажей?

Эль видела заветную вывеску с именем Миранды Боклер. Спиральный коридор, по которому они поднимались, то расширялся, то сужался, с неба падали игральные кости и фишки, попадая под колеса и мешая езде.

– Этажей двадцать, – ответила девушка. Проехали они уже сотню.

– Нужен еще один пит-стоп, резины не хватит, – сказал Гай.

Кто бы мог подумать, что во сне де Крюссоль придерживается законов реальности! Нет чтобы усовершенствовать болид и гонять на нем без остановок! Пока они ползли по узкому коридору, Эль озвучила свое недовольство.

– Женщины! Ничего вы в гонках не смыслите... Пит-стопа – это лучшая часть. – В этот раз улыбка Гая была неприлично широкой, Эль даже пожалела, что в Сомнусе нельзя делать фотографии.

Последние двадцать этажей дались болиду нелегко. От запаха паленой резины слезились глаза, Эль почти ничего не видела, а Гай управлял болидом из последних сил. Он, сильный мыслитель, боролся с чужим подсознанием и проигрывал, даже с паразитом Эль в кармане. Из-под колес пошел едкий дым, Гай сцепил зубы, сосредоточенно толкая болид вперед.

Они добрались до вывески и снесли дверь с именем Миранды Боклер. Машина врезалась в стеклянный бокс с воспоминаниями, навсегда стирая их из памяти. Эль заторопилась на выход – под ногами загорелось днище болида. С ужасом девушка оглянулась и поняла, что Гай не в состоянии выбраться, его ноги застряли в автомобиле. В глазах парня застыл животный страх.

Огненная стена разделила Эль и Гая, что для последнего значило чудовищный исход. Не тратя ни секунды на размышления, Эль бросилась в пламя, чувствуя, как волосы вспыхнули, а легкие зажглись изнутри. Но ей нужна только рука, только его рука... Наконец пальцы Эль

и Гая соприкоснулись, они крепко схватились друг за друга и сгорели в этом пожаре. Проснулись вместе, обнимаясь как в последний раз.

Гай тяжело сглотнул:

– Ты как?

– Отлично. – Эль привыкла к страшным смертям, и неважно, насколько реально они проживались в снах. Человек вообще ко всему может привыкнуть. – А ты?

– Пропущу завтра первую лекцию.

– Хотелось бы мне пропустить неделю.

– Де Крюссоль настолько плох?

– Увидишь, – пообещала девушка.

Глава 5

ЭЛЬ ВСЕГДА РАСПЛАЧИВАЛАСЬ за визиты в чужой Сомнус.

Чужое подсознание проникало ей в голову, меняя личность. Эль практически превращалась в Билли Миллигана¹, отличие было лишь в том, что и собой она оставалась тоже. Два человека смешивались в одном.

Это ее уникальная особенность, ее дар и ее проклятие. Для других мыслителей навестить Сомнус другого человека – все равно что в гости сходить: открыл дверь, рассмотрел детали обстановки, а после вернулся к себе, счастливый и довольный. А неудачный поход можно просто выкинуть из головы, забыть, как страшный сон.

Эльфина так не умела.

Кто-то мог бы назвать девушку уникальной, не такой, как все, а кто-то – уродом, от которого следует держаться подальше. Более радикальные виаторы предпочли бы сжечь Эль на костре. И это даже не шутка: история виаторов полна мрачных страниц. Когда-то материалистов действительно сжигали на кострах. Охота на ведьм, гремевшая по всей Европе, началась с виаторов и их внутренних конфликтов. Страха перед материалистами, способными извлекать из подсознания кошмары. Страха перед очередным концом света. Знаменитый трактат «Молот ведьм» был написан виатором; Генрих Крамер создал свою версию гораздо позже. Истории людей и виаторов всегда тесно переплетались, люди знают много ярких виаторов, не представляя, кто они такие на самом деле. А они совсем рядом: снимают фильмы, участвуют в политических дебатах, совершают научные открытия...

Помня о печальном опыте предшественников, Эль о своей особенности всегда молчала. Ни к чему другим знать. Есть Гай, который в курсе и понимает, отчего Эль порой ведет себя странно, а остальные... плевать. Она научилась не зависеть от чужого мнения, а еще научилась жить с чужими снами в голове. Ничего такого, с чем нельзя справиться, – Шарль де Крюссоль в этом плане не станет исключением.

Визит в Сомнус Шарля ударил по Эль уже через день. Девушка долго не могла заснуть, жажда деятельности буквально подбрасывала ее с кровати. Не кровать, а какой-то трамплин... Когда Эль наконец надоело ворочаться и вести бессмысленную борьбу с внутренними демонами, она спешно оделась и вышла на балкон.

– Как же я тебя ненавижу, де Крюссоль! – бормотала она, повинувшись внутренним порывам.

Девушки Глетчерхорна жили в отдельной башне имени Риты Кастильо, первой женщины на посту главы Комиссии. Вершина башни – седьмой этаж – была отдана материалистам, на шестом обитали астралы, а остальные пять занимали мыслители. Эль с соседкой жили на третьем этаже в просторной комнате с окнами до пола и каменным балконом, на котором при желании могли поместиться еще несколько человек. Через этот балкон можно было легко попасть к соседям – он был общим.

Стараясь не шуметь, Эль влезла к Приянке и Антонелле, в комнату справа. Долго прислушивалась к дыханию девушек и, убедившись, что они крепко спят, достала из кармана лак для ногтей болотного цвета. Эль давилась от смеха, представляя, как соседки проснутся завтра и посмотрят на свои руки. Хотя... нет, пожалуй, будет смешнее, если лишь Приянка обнаружит свой изысканный маникюр и подумает, что над ней подшутила соседка. И начнется у них война. Эль беззвучно хохотала до слез, пока красила ногти спящей индианке. Вспомнит ли она про буддизм, когда будет рвать волосы на голове Антонеллы? Наконец в башне Риты Кастильо

¹ Билли Миллиган – один из самых известных людей с диагнозом «множественная личность» в истории психиатрии. Расщепления личности Миллигана насчитывали двадцать четыре полноценные личности.

произойдет что-то интересное, иначе от скуки и чопорности хоть на стену лезь. А ведь Глетчерхорн даже не в Англии!

На этом Эль не остановилась, нет. Она вломила к соседкам слева и позаимствовала их телефоны. На айфоне англичанки Саши стоял пароль, а вот испанка Джорджиана оказалась не такой, как все. Эль вошла во все ее мессенджеры и сделала массовую рассылку. Кому-то отправляла фотографии (к сожалению, неприличных у Джорджианы не нашлось, пришлось обойтись банальными селфи на фоне горного заката), кому-то писала дурацкие сообщения или признавалась в любви. Кому-то предлагала обратить внимание на Сашу. А почему нет? Еще одна добрососедская схватка не повредит.

На улице начало светать. С чувством выполненного долга Эль вернула телефон хозяйке, ушла к себе в комнату и уснула крепким сном, каким спят только после плодотворной работы. А Эль как раз поработала на славу!

В Глетчерхорне можно было выбрать, где начать свой день. Хочешь плотный английский завтрак? Добро пожаловать в Doyle Cafe – говорят, здесь любил проводить время сам сэр Артур Конан Дойль во времена студенчества. Желаете воздушных круассанов? На территории замка есть французская булочная – правда, там не протолкнуться по утрам. И местечек на любой вкус, подобных этим, в замке было немало. Еда всегда бесплатная, потому что деньги не стояли во главе мира виаторов.

Эль выбрала не самое популярное кафе и заняла угловой столик. Влияние Сомнуса Шарля де Крюссоля на время ослабло, и девушка тоскливо вспоминала о ночной вылазке. Пожалуй, такой чушью она еще не занималась. Хорошо еще, что у нее с собой тюбика зубной пасты не нашлось, или как там еще проказничают маленькие дети... и Шарли де Крюссоли, очевидно. И теперь вот Эль.

Возможно, стоит прогулять дневные лекции, чтобы как следует выспаться... хотя учебные баллы Эль оставляли желать лучшего, шестерку – максимум – она вообще ни разу не получила. Даже пятерки были редкостью. И четверки. Из-за повышенной занятости на «внеуниверситетских занятиях» Эль училась из рук вон плохо, вечно отставала и едва набирала необходимые для зачета баллы. Наверное, все же придется сходить сегодня на пары.

Можно будет внушить что-нибудь незадачливому однокурснику.

Ой, нет. Только не это!

Налить клея на сиденья?

Боже, ну и чушь.

Заявиться голой на лекцию?

Просто ой.

Мысли Эль перескакивали с одного на другое. Она рассеянно ковырялась в тарелке с омлетом и вдруг почувствовала на себе чей-то взгляд. Оглянувшись, она заметила Фаустино де Веласко, друга Шарля. По какой-то неведомой причине Фаустино завтракал в одиночестве и при этом поглядывал на Эль. Эль всегда остро ощущала чужое любопытство, вот и сейчас напряглась. Мысли о зубной пасте и голых шалостях тут же выветрились из головы (к счастью!). Она встала из-за столика и вышла на улицу, точно зная, что Фаустино последует за ней.

Что ему нужно?

Пока она раздумывала над этим вопросом, парень поравнялся с ней, привлекая к себе внимание. Фаустино улыбался так зазывно и располагающе, что в душе Эль поселилось нехорошее предчувствие. Этот парень что-то задумал, без сомнений. Но ничего, Эльфина Рейн готова обломать его и опустить физиономией в лужу – осень в этом году выдалась сырой и щедрой на дожди.

– Привет! – Фаустино улыбнулся еще шире, демонстрируя ямочки на щеках и белоснежные зубы. В целом он выглядел как типичный испанец: смуглая кожа, карие глаза и чуть вью-

щиеся волосы цвета горького шоколада. А еще он был каким-то чересчур высоким, Эль пришлось задрать голову, чтобы его разглядеть.

– И тебе привет, – буркнула она в ответ, решив, что стала объектом глупого спора Шарля и его приятелей. Иначе с чего де Веласко начал ей улыбаться?

– Ты ведь Эльфина?

– Допустим.

– А я Фауст. Рад знакомству. Может, выпьем кофе, пообщаемся, пока пары не начались? Знаешь, как говорят: утром много кофе не бывает.

– Кто так говорит? – строго спросила Эль.

– Да все!

– Я не люблю кофе. У меня скоро практика по управлению финансами и банковской системой мира Сомнус, а я не подготовилась, так что найди другую жертву и пей кофе с ней. Со мной у тебя ничего не выйдет.

– Что за банковская система мира Сомнус? Нет такого предмета.

– Что не меняет дела.

Фаустино перестал улыбаться, почувствовав ее враждебный настрой. А еще он явно расстроился – не привык получать отказы с такой безупречной внешностью.

– Думаю, мы закончили, – улыбнулась Эль, наслаждаясь его замешательством.

– А я так не думаю.

Настойчивый какой! Эль лишь покачала головой и пошла прочь, думая о том, что трюк с зубной пастой можно отложить до лучших времен. А пока заняться кое-чем поинтереснее. Например, показать Фаустино де Веласко, что не все девушки любят настойчивость и что спорить на живых людей нехорошо.

План она продумывала на практике по конфликтным ситуациям в подсознании. Пока седовласый профессор, даже в жару облаченный в твид, бурчал что-то про естественное сопротивление человеческого разума и способы его преодолеть, Эль поглядывала в окно, любуясь заснеженными горными вершинами и бесперебойно работающими подъемниками, и перескакивала с одной мысли на другую. С красоты старинного Глетчерхорна и его окружения на будущую мсть Фаустино де Веласко. С сомнительности этой мести – ведь парень сказал ей всего пару слов – до ее абсолютной и сокрушительной логичности. Заслужил же, ну!

– Эль, какие способы обойти защиту вы знаете? – обратился к ней профессор.

– Паразит сознания, – бездумно ответила она и тут же поморщилась – ну зачем лишний раз вспоминать паразитов?

– Отличный вариант. Итак, паразиты: продукты мира снов, доступные лишь материалистам. Мыслитель самостоятельно не может ничего изъять из сновидений, а потому такой обход может быть реализован только парным методом. Именно так работают агенты Комиссии – в паре. Следующий способ обхода... Пак, отвечайте вы.

Только в паре, точно. Поэтому Эльфина Рейн не может учиться наравне с другими. И никогда не сможет. Впрочем, лучше подумать о де Веласко и его вопиющей наглости. Как и вся компашка Шарля де Крюссоля, Фаустино заслужил, чтобы ему утерли нос. Это профилактика. Эль, считай, борец за справедливость и учитель одновременно. Будет весело.

Глава 6

Фауст

ОН ПРИШЕЛ В СЕБЯ и не сразу понял, где он, что произошло, только почувствовал пронизывающий тело холод. На мгновение мелькнула мысль о леднике, который давно уже стал его личным кошмаром, но Фауст быстро сообразил, что ледника рядом нет, а сам он просто одет не по погоде. Мягко говоря. А еще не может пошевелиться.

В голове царил каша, Фауст с трудом соображал. Он так замерз, что был не в состоянии пошевелиться. Парень наконец открыл глаза и поморщился от резкой головной боли, в его глаза словно не свет ударил, а чей-то кулак.

Фауст зажмурился. Он успел увидеть территорию Глетчерхорна, а значит, ледник и в самом деле далеко – уже хорошо. В этот раз кошмар не стал реальностью. А не мог он пошевелиться потому, что кто-то его скрутил. И привязал к дереву напротив мужского корпуса имени Фридриха Ницше, где всегда было шумно и многолюдно. А сейчас... сейчас разве что птицы чирикали. Но солнце уже взошло – стало быть, раннее утро. Хотя бы с этим разобрались...

А вот с головой беда – Фауст ничего не помнил. Как он здесь оказался, почему? Кто привязал его к дереву? Неужели Шарль? Очень в его духе, он горазд на подобные выходки. Кажется, он и похожий трюк с деревом уже проворачивал. Но с незнакомым первокурсником, по глупости ляпнувшим грубость, а не с близким другом! Неужели он бы посмел? Фауст дернулся, пытаясь ослабить удерживающие его путы, но ничего не вышло. Кто бы это ни сделал, он постарался на славу.

Утро выдалось холодным, но Фаусту повезло: Глетчерхорн просыпается рано. Еще не перевелись энтузиасты, которые любят записываться на видеолекции в шесть и семь утра, поэтому вскоре парня освободил испуганный первокурсник. Процесс получился долгим и болезненным, затекшие части тела потихоньку возвращались к жизни и нещадно ныли, напоминая о пережитом. В конце концов Фауст свалился на землю и отмахнулся от помощи своего беспокойного спасителя. Дальше он сам.

Лежать на земле в одних трусах было холодно, Фауст быстро поднялся и отправился к себе. Комнату он делил с Гастоном де ла Серда, братом погибшей Бланки. Гастон не вернулся в этом семестре в Глетчерхорн, но обещал приехать в следующем году, поэтому пока Фауст распоряжался всем в одиночку.

Горячий душ вернул его к жизни. Он осмотрел себя в мутном зеркале, пытаясь отыскать какие-нибудь остроумные послания на лице (этим Шарль тоже промышлял), но ничего не нашел. Ладно, раз все в порядке, можно начинать рвать и метать. И выкидывать с балкона придурочного Шарля. Фауст всегда закрывал глаза на приколы друга, ведь чем бы дитя ни тешилось... но тут де Крюссоль перешел черту.

Фауст вернулся из душа и... увидел сидящего на кровати Шарля.

– Уже наслышан, что произошло, – сказал тот, поглядывая на Фауста то ли с иронией, то ли с сочувствием. Скорее все же с сочувствием, но смех так и рвался наружу. – Не волнуйся, мы вместе отомстим обидчику.

– Так это был не ты?

– Спятил?! Мы же друзья.

– Ты упоминал скучные университетские будни и горел желанием их разнообразить. Почему бы не мной, таким «приунывшим» в последнее время?

По мнению Шарля, о смерти Бланки давно было пора забыть. Трагедии принято оставлять позади, тем более преступник наказан. Жизнь продолжается, она фактически у них только начинается! Нельзя тратить ее на уныние. Фауст высоко ценил такого не похожего на него Шарля, но все же во многом не разделял его философии.

– Признаться, была у меня такая мысль, но меня опередили.

– Какая досада!

– Ничего подобного, так даже интереснее: сначала мы найдем виновного, а после вывернем его подсознание наизнанку, вытрясем все грязные секреты и распространим их по кампусу.

Шарль продолжал что-то болтать, строил планы по отмщению, но Фауст его не слушал, он пытался восстановить картину случившегося. Как так вышло, что он ничего не помнит? Вообще ничего. Кажется, он ужинал, потом вернулся к себе... или не вернулся? Все как в тумане. А значит, его не просто опоили, было воздействие через подсознание. Только так можно объяснить его странную амнезию.

– Может, это месть обиженной девчонки? – продолжал накидывать варианты Шарль. – Девчонки бывают очень лютыми. И обидчивыми. И злопамятными.

– Не бывают, если не спорить на них, не забывать их имен и не хамить, – отмахнулся Фауст, которого можно было обвинить разве что в холодном равнодушии ко всем, кто ему неинтересен.

На лекциях Фауст пытался выяснить, видел ли кто-нибудь его вчера вечером и если да, то куда он направлялся, как выглядел. Установить удалось следующее: последний, кто с ним общался, был Джагдиш Шарма. Студент заглянул к нему около полуночи с просьбой починить ноутбук. Неделя только началась, в Фише новую технику не купить, а ждать до выходных Джагдиш не мог, вот и кинулся за спасением к Фаусту. Но он, по словам Джагдиша, уже лег спать.

А дальше все запуталось: пройти через пропускную систему на первом этаже Фауст никак не мог, но на случай, если все же смог, он достал записи с камер. Подозрение подтвердилось: Фауст не выходил из замка на своих двоих. В окно тоже не прыгал – все-таки шестой этаж... Парень не поленился и проверил другие записи, и ни на одной из них его ночью не было. Вот так незадача! Либо кто-то подменил записи и этот кто-то должен быть настоящим хакером, либо... либо Фауста *извлекли*.

За корпусом камер нет, проверить теорию Фауст не мог.

Но чем больше думал об этом, тем больше убеждался: произошло именно *извлечение*. Оно объяснило бы все. Стоило подумать об этом сразу, но в мире виаторов привычное дело – держать материалистов в стороне, думать о них в последнюю очередь. И даже Фауст поддался этому веянию, хотя Паук давно интересовал его...

Паук! Вчера Фауст говорил с Эльфиной Рейн. А после этого разговора проснулся, привязанный к дереву, выдернутый из кровати в одних трусах. Повезло, что он не спит голым... Паук *извлек* его за один короткий разговор с Эльфиной Рейн? Что за бред! Она не какая-то неприкосновенная личность, к ней многие обращаются. А тут такая реакция. Уж не потому ли, что Паук в курсе, что Фауст идет за ним? Тоже сомнительно: откуда?! Не мысли же он читает. Но все равно стало неуютно. Хотя отступать Фауст не собирался, глупая пугалка не сработает.

Вечером перед сном к нему в комнату опять ворвался Шарль с новыми теориями и планами расправы. Слушать все эти глупости не было сил, и Фауст равнодушно отмахнулся:

– Да знаю я, кто это был.

– И кто же?

– Эльфина Рейн.

– Эльфина... А, девица, которую ты нанял, чтобы проникнуть в мое подсознание? – Шарль был посвящен в детали плана: все-таки не духе Фауста использовать друга втемную. – Она не смогла, поэтому отомстила тебе? Говорил же, девицы эти все как одна мстительные фурии... Или постой! Может, она прознала о твоём обмане? Ведь... – И тут Шарль запнулся, его глаза расширились: *он забыл*. Забыл, что именно Эльфина Рейн должна была сделать в его подсознании. А значит, все у нее получилось.

– Я с ней поговорю, – решил Фауст, по опыту зная, что простая и короткая беседа порой может в корне перевернуть ситуацию. Это нападение не казалось логичным, пусть даже сам Паук вдруг ополчился на него, поэтому есть надежда, что разговор поможет все прояснить.

Шарль придерживался другого мнения:

– А я бы не стал.

– Попридержи свои планы мести, будь другом.

– Договорились.

Увлеченный своими мыслями, Фауст не заметил многообещающей улыбки вечного проказника Шарля де Крюссоя.

– Идешь сегодня на лекцию по внедрению? – спросил он, затягивая галстук. Сегодня можно обойтись без пиджака, на улице еще жарко.

– Читает важная шишка из Комиссии? Хотел бы, да не могу: у меня какая-то скукота про финансы, – отмахнулся Шарль. – Надо же учиться сохранять семейные активы... хотя я без понятия зачем. Однажды даже спрашивал у отца, он только глянул на меня как на идиота, вот и весь ответ.

– Деньги – это власть. А виаторы любят власть.

– И тем не менее тебя не заставляют слушать про финансы ежедневно.

– Нет, но моя семья добивается власти иным способом.

– Из тебя получится идеальная замена отцу, – проворчал Шарль, следом за Фаустом покидая его комнату. На пары они слегка опаздывали, поэтому коридоры замка радовали пустотой. – Глава мыслителей Фаустино де Веласко – звучит! Мыслительная машина, новое поколение сильнее предыдущего... все по великому плану. Отец, должно быть, не нарадуется твоим успехам.

– Мы об этом редко разговариваем.

– Ой, хватит уже, – отмахнулся Шарль. – Мне и так хватает поводов для зависти. Мои-то успехи пережевываются на каждой семейной встрече. На звонки, к счастью, я просто могу не отвечать, но стоит оказаться дома, как начинаются все эти заманчивые темы по кругу: мертвые родственники, больные родственники, финансы, все плохо, претензии под видом заботы и безответственный Шарль.

У де Крюссоя было большое семейство, Фаустино не раз приходилось бывать на их сборах – когда-то Шарль звал всех друзей в качестве поддержки, они вместе сбегали под шумок, наведывались в винный погреб и отлично проводили время. Но после смерти Бланки все изменилось. Гастон... где-то, Фаустино не мог оставить все в прошлом, а Генри съездил к де Крюссолям лишь разок и сказал, что без остальных уже не то. И теперь Шарль остался один на один со своими родственниками.

У основного корпуса они с другом разошлись – практика Шарля проходила в современной пристройке к замку, тогда как путь Фаустино лежал в самую старую его часть. Все-таки стоило захватить пиджак, потому что в старом замке было холодно даже в самые жаркие дни.

Глава 7

Шли дни, Эль продолжала балансировать между сумасшествием Шарля де Крюссоля и своими нуждами. И ночами она почти не спала, готовилась к промежуточному зачету по истории виаторов. Так вышло, что историю Эль никогда не воспринимала всерьез и наивно полагала, что зачет сдаст шутя, а само понятие «промежуточный зачет» и вовсе существует для каких-то старательных заучек. Оказалось, что этот самый промежуточный зачет как бы открывает путь к настоящему. И, если провалиться сейчас, можно вылететь сначала с курса по истории, а потом и из самого Глетчерхорна, ведь мир виаторов целиком и полностью состоит из истории, он ей дышит.

– Если не знаешь своей истории, велик шанс повторить ошибки прошлого, – любил повторять их профессор. – Если ошибаются люди, гибнут тысячи, но если виаторы – миллионы. Чем больше сила, тем больше и ответственность!

Кажется, несмотря на седины, он весьма почитал Человека-паука.

Подготовка шла ни шатко ни валко, в основном из-за шума в коридорах замка. После «нападения с зубной пастой» девушки позабыли, что они тут все леди, и начали воевать друг с другом. Возможно, потому, что Эль вымазала пастой первые этажи и пустила слух, что нападавшие живут наверху. Дальнейшие боевые действия проходили без активного участия Эль, которая вынуждена была погрязнуть в исторических аспектах сноходческой жизни. Даже по ночам она не посещала Сомнус, а крепко спала и видела при этом бесконечный поток дат. 1324 год, 863-й, 1578-й... Вот это настоящие кошмары, после которых весь день насмарку.

Промежуточный зачет должен был состояться в среду. После визита Эль в подсознание де Крюссоля прошло больше недели. Отпустило ли ее за это время? Однажды, отправляясь на завтрак, Эль случайно наткнулась на Гая, подбежала к нему со спины и резко дернула за торчащую из брюк резинку боксеров, так что ответ – нет. Эль не отпустило. И Гай это понял, глядя на нее круглыми от удивления и боли глазами. Розыгрыш вызвал бурю смеха среди очевидцев, а Эль сбежала с места событий, широко улыбаясь.

К среде глаза Эль превратились в красные щели, а голова раскалывалась от количества цифр. Но, пожалуй, с промежуточным зачетом она совладеет, можно будет забыть об истории до января. Направляясь на зачет, Эль думала о грядущем вечере. Наконец-то она выпится, встретится с Гаем, они поболтают, прогуляются меж пряничных домиков... Вдруг кто-то бесцеремонно схватил ее за плечи и натянул мешок на голову.

– Какого... – Эль даже выругаться не смогла – ей зажали рот. Она находилась посреди Глетчерхорна, совсем рядом с корпусами! Вокруг должны быть другие студенты, почему никто не спешит ей на помощь?!

Эль почувствовала, что под нос ей суют какую-то влажную тряпицу с резким запахом. Девушка отчаянно боролась, пытаясь вырваться и не вдыхать отравленные пары, но нападавший оказался сильным малым, и через несколько секунд Эль отключилась.

Она пришла в себя в темном помещении, привязанная к стулу. Вокруг сплошная чернота, ничего не разглядеть. Встать со стула тоже не вышло – Эль связали ноги. И, как назло, девушка совсем не хотела спать, а значит, в спасительный Сомнус никак не нырнуть, не позвать на помощь Гая. Разве что кто-то из похитителей поделится с ней гипнотином – препаратом, разработанным виаторами для быстрого погружения в сон, но это вряд ли. Придется либо выждать, либо как-то выбираться самой.

Ладно, в любом случае пришлось бы выбрать второй вариант. Через Сомнус Эль могла отыскать Гая, но как бы он ее нашел? Она сидит в темноте, не знает, сколько времени прошло, куда ее успели утащить... Вряд ли далеко, все же похитить человека посреди Глетчерхорна сложно, но можно, а вот протащить через все охраняемые подъемники – нет и еще раз нет.

Пока Эль думала, как ей быть, позади скрипнула дверь. Мелькнула полоска света, но тут же исчезла, и девушка почувствовала, что за спиной кто-то есть. Не один. По ощущениям, в эту темную комнату зашло как минимум два человека, а то и три. Сердце Эль забилося чаще, впервые после пробуждения ей стало по-настоящему страшно. Она вдруг поняла, кто мог похитить ее даже в Глетчерхорне, посреди лекции или прямо из кафе. Ее личные кошмары способны и не на такое.

Ее мать способна.

– Ты была плохой девочкой, Эльфина Рейн, – шепнули из темноты.

Страх, поднимавшийся к горлу Эль, сразу отступил. Нет, это не ее кошмары, не ее мать. Это какая-то ерунда, с которой она точно справится, хотя раньше Эль не похищали. Но новый опыт всегда полезен.

– Ты наказана, Эльфина Рейн. – Шепот уже второго гостя. – Твоя жизнь в наших руках, ты можешь просидеть здесь вечность. И у тебя есть только один шанс уйти, спасти свою жизнь...

Эль надоело слушать этот пафос:

– Нет, это *у вас* один шанс спастись, ребята, кем бы вы ни были. – На самом деле девушка лукавила, она поняла, кто ее похитил. Как только отвалилась версия с матерью, осталась только одна: сеньор де Веласко не оценил шутку с деревом и решил отыгаться. Что ж, справедливо. И Эль даже не будет ему мстить... даже странно, что в голову ей пришла такая мысль. Может, Сомнус Шарля растворился в ней после встряски с похищением?

Однако в критические моменты личность Эль брала верх:

– Вы знаете мое имя, а значит, кое-что обо мне слышали. А если не слышали... я выберусь отсюда рано или поздно, вы сами же меня и отпустите. Один шанс уйти, серьезно? Вы меня убьете? Или пытаться начнете? Не смешите заложницу, она хочет в туалет! И вот как мы поступим. – Имитируя манеру разговора горе-похитителей, Эль зашептала: – Сейчас вы уйдете и все обдумаете. И тот из вас, кто первым вернется и развяжет меня, не узнает, что такое мечь Эльфины Рейн.

– Да кем ты себя возомнила! – возмутился один из парней, в голосе которого слышался сильный акцент. В Глетчерхорне в основном использовался универсальный английский, но студенты прилетали с разных концов планеты, поэтому и речь можно было услышать самую разную.

Грозные похитители говорили что-то еще, стращали и запугивали, но Эль не слушала, потому что на самом деле очень хотела в туалет. Если бы она знала, что ее похитят, не стала бы пить это проклятое шоколадное молоко! Целый литр приговорила...

Дверь за спиной захлопнулась, и мир опять погрузился в темноту.

Эль не знала, сработает ли ее угроза, хотя подозревала, что на правильном пути: визитеров было трое, а распинался о скорой каре только один. Другие двое таинственно помалкивали. Нужен кто-то из них, кто вернется и развяжет ее. Всего один из трех.

Где-то через час (по ощущениям, прошла целая вечность, и все это время девушка боролась с организмом из последних сил) Эль услышала шорох. Вернулся! Кто-то вернулся. И, судя по тихим шагам за спиной, он был один. Парень осторожно схватил Эль за руки и щелкнул раскладным ножом. Тяжело сглотнул.

– Ты ведь сдержишь слово?

– Никакой мести, обещаю.

– Остальных тоже не трогай.

– Об этом торговаться не будем, – нетерпеливо бросила Эль, ерзая на месте. – Развяжи меня скорее!

Неизвестный оказался парнем понятливым и начал пилить веревку. Высвободив руки, Эль сама избавилась от пут на ногах, вскочила и, прихрамывая после долгого сидения, броси-

лась прочь. Ее спаситель что-то бормотал девушке вслед, но Эль сейчас могла думать только об одном.

Она выскочила на улицу, вдохнула холодный горный воздух и отправилась за угол. Вернулась уже спокойной, счастливой и готовой простить весь мир, а того, кто ее освободил, и вовсе расцеловать. Иногда для счастья надо так мало, так мало...

Спасителем оказался – сюрприз! – Генри Кавендиш, один из дружков де Крюссоля. Он беспокойно переминался с ноги на ногу и как будто ждал от Эль удара исподтишка. Что за глупость, Эль не драчунья. Пока, по крайней мере. Вот была бы у нее под рукой зубная паста, тогда этому Генри пришлось бы несладко, а так он в безопасности. Скорее всего. Дело в том, что с обещаниями у Эль бывают сложности, сама-то она человек слова, но сейчас (да и вообще часто) она собой не была.

– Дурацкие вы похитители, – бросила Эль, разглядывая место своего заточения – хилую избу неизвестного назначения в нескольких километрах от Глетчерхорна. Еще и обратно придется топать.

– Нормальные. Если бы я не пришел тебе на помощь...

– И ты сделал это очень вовремя, спасибо.

– Может, мы не продумали некоторые моменты... – Генри выразительно посмотрел на угол избенки, за который бегала Эль.

– В следующий раз будьте осмотрительнее.

– Следующий раз?! Это ты шутишь так? Как по мне, так похищения не тянут на розыгрыши. Ты, конечно, жестоко поступила с Фаустом, но мстить девчонке... В общем, ты не думай, что твоя угроза меня напугала. Я это... просто джентльмен.

Эль не стала комментировать его слова, лишь закатила глаза, оттолкнула Кавендиша с пути и первой ступила на тропу к замку.

Глава 8

Фауст

– ТЫ СДЕЛАЛ ЧТО?!

– Да не ори так, посидит взаперти, подумает о своем поведении, ничего особенного. И ее не найдут, не волнуйся, мы с ребятами оттащили ее в сторожку. – Шарль махнул рукой в сторону гор.

Будь Фауст более эмоциональным, точно бы вскочил и начал рвать на себе волосы, а так лишь вздохнул и зажмурился. Он до последнего надеялся, что ослышался и Шарль не похищал Эльфину Рейн возле учебного корпуса. Пожалуй, теперь разговора с девушкой не получится. Фауст не понимал, как вышло, что они натворили так много глупостей. Причем даже без его участия! Сам он ничего плохого не сделал. Даже после извлечения, на которое, между прочим, любой виатор вправе пожаловаться в Комиссию, Фауст смолчал – ему важно было найти общий язык с девушкой, способной помочь с деликатным делом.

– Что за сторожка? – спросил он у довольного Шарля.

– Да горная! В которой мы в прошлом году ставили эксперименты с гипнотином. Бланка еще всю дорогу ныла, что это далеко и она не дойдет... Вспомнил? О ней никто не знает, идеальное место.

Фауст кивнул и принялся надевать толстовку.

– Куда-то собрался? – наблюдая за приятелем, спросил Шарль.

– Отпустить Эльфину.

– Но она там даже ночь не просидела, ты что... У меня на ее счет есть пара идей. Вот первая: завязываем ей глаза, сажаем в самолет и бросаем с высоты. С парашютом, конечно, не смотри так! Это будет очень круто. Вторая идея поскучнее: наливаем ванну, запускаем туда живую рыбу и раков. Сверху побольше пены, чтобы не было видно, и вуаля, наслаждаемся воплями Эльфины Рейн!

– Ты это серьезно?

– Конечно, есть еще третья идея...

– Лучше не озвучивай, – на ходу бросил Фауст и захлопнул дверь своей комнаты.

В горах давно стемнело, но студенты не спешили расходиться по кампусам, наслаждаясь последними теплыми деньками. Скоро начнутся снегопады, морозы и метели. Никому не придет в голову устроиться на лавочке с ноутбуком или сидеть на деревянном помосте возле кофейни, лениво потягивая матчу. Уйдет эта теплая атмосфера, все забьются в помещения... Последнего Фауст ждал с содроганием – сейчас он занимал весь столик в любом кафе, мог просидеть в одиночку весь вечер, никем не потревоженный, а зимой такое невозможно.

До сторожки Фауст добежал минут за пятнадцать – помогла привычка к одиноким пробежкам. Он застыл возле входа, отдышался немного и толкнул дверь, готовясь извиняться, оправдываться, а может, даже угрожать, ведь его самого извлекли... В общем, планировал действовать по ситуации.

Но Эльфины Рейн в сторожке не оказалось.

Она сбежала? Ее опять похитили? Фауст очень надеялся, что нет, но его бы это не удивило, ведь в последнее время все шло наперекосяк. И вот опять... Парень выругался, на всякий случай оглядел сторожку еще раз и вернулся на улицу.

Огни замка мелькали далеко впереди – придется снова пробежаться. Фауст не ляжет спать, пока не убедится, что с девчонкой все в порядке, все-таки пострадала она по его вине. Не стоило упоминать о ней при Шарле. И надо было объяснить ей все сразу, но, как назло, у него больше не получалось подкараулить Эльфину в кофейнях или других общественных местах Глетчерхорна.

У башни имени Риты Кастильо Фауст свернул за угол. Шарль часто захаживал к девушкам по ночам, поэтому Фауст точно знал, как забраться в башню в обход пропускной системы – через окно общей комнаты. Комната находилась на первом этаже, но старый замок – не современный дом, на первый этаж еще вскарабкаться надо. Фауст изрядно попотел, хватаясь за узкие выступы на каменной стене, и вскоре все же оказался у окна. Открытого, к счастью.

В общей комнате было темно и пусто. Парень осторожно выглянул в коридор: никого. Теперь ему оставалось найти Эльфину Рейн. Первым делом стоило проверить ее комнату – Фауст в глубине души надеялся на версию с побегом, все-таки девушка предприимчива и славится определенной репутацией. Еще по дороге к замку он нашел в электронном каталоге студентов номер Эльфины, но дозвониться не смог – возможно, ее телефон сел. Теперь же он быстро влез в другой каталог и вытащил номер ее комнаты. Королевские апартаменты, между прочим. Неплохо.

Стараясь не шуметь, Фауст взлетел на третий этаж, нашел нужную комнату и прислушался. Вроде все тихо. Нажал на ручку двери, и она неожиданно открылась. Подумав секунды две, Фауст шагнул в комнату с одной лишь целью: не поднимать шум в коридоре. О том, как Эльфина отреагирует на его ночной визит, думать не хотелось. Впрочем, девушки все равно не оказалось на месте. И ничто не намекало на ее недавнее присутствие.

Фауст обессиленно опустился на ближайшую кровать и обхватил голову: и что делать теперь? Он ведь правда решил, что она сбежала... А вдруг де Крюссоль его обманул и сторожка какая-нибудь другая? Похоже, эта ночь будет долгой. Но он не оставит девушку в одиночестве где-то в горах, это как-то... неправильно. Он подумал о Бланке и ее застывшем во льду лице. Она тоже была одна.

– Какого черта ты делаешь в моей комнате? – раздался голос со стороны окна.

Фауст вскочил на ноги. Оказалось, у комнаты есть балкон, и на этом самом балконе стояла Эльфина Рейн с десятками тюбиков зубной пасты в руках.

Заметив его взгляд, девушка отшвырнула тюбики в сторону.

– Повторить вопрос?

– Ты сбежала после похищения и первое, что сделала, – это вымазала кого-то зубной пастой? – Такая глупая выходка его озадачила.

– А ты узнал, что я сбежала, и поторопился похитить меня еще раз?

– Нет, я пришел все прояснить.

– Не стоит: мы квиты.

– Но...

– Не знаю, что ты там себе нафантазировал, но я не ввязываюсь в глупые разборки. – Эльфина посмотрела на валяющуюся под ногами зубную пасту и вздохнула. – Повеселились и хватит. Ты доказал, что способен ударить в ответ, молодец. Это даже похвально. Предлагаю разойтись на ничьей и забыть друг о друге. Навсегда. А теперь спокойной ночи, Фаустино, ты знаешь, где дверь.

Ладно, раз с ней все в порядке, можно начать раздражаться.

– Ты можешь помолчать и послушать? – Фауст повысил голос, что делал крайне редко, но уж очень криво все складывалось у него с Эльфиной Рейн. Вот и сейчас девушка вела себя странно и даже выслушать не пожелала. – Тебя похитил Шарль, решив отомстить за меня. И ты первая начала этот фарс, так что о ничьей и речи быть не может. Извлечение? Комиссия такое не одобрит, если я вдруг решу пожаловаться.

– Я мыслитель, учусь четвертый год. Как, по-твоему, я могла тебя извлечь? – хмыкнула Эльфина. – Вряд ли в Комиссии всерьез воспримут твою жалобу. А если даже и так, пусть трясут материалистов, они ко мне отношения не имеют.

– Даже Паук?

– Паук – это местная сказка, я его не встречала.

– Конечно. А извлек меня святой дух?

– Никто тебя не извлекал, – глядя в глаза Фаусту, соврала Эльфина Рейн. – И уж точно это сделала не я. Может, одна из тех девушек, на которых вы так любите поспорить с Шарлем? Круг подозреваемых велик, с какой стати я вдруг заняла первую строчку? Мы даже толком не знакомы.

– Шарль тебя обидел? – Из речи девушки Фауст понял именно это. – Так с ним бы и разбиралась. Мы друзья, а не единое целое! Ты втянула меня в это противостояние, хотя я собирался тебя нанять!

– Ты хотел меня нанять?

– Теперь уже не очень хочу. – Ложь, он все еще хотел. Потому что Эльфина Рейн зацепила его до первой встречи, все эти слухи о ней вызывали любопытство. В реальности она его не разочаровала. Даже наоборот. Сразу понятно, что Эльфина – крепкий орешек, пусть и немного хаотичный.

– Уточню: ты хотел меня нанять, когда подкараулил возле кофейни?

– Да.

– И для чего?

– Хочу знать, что на самом деле случилось с Бланкой.

– С Бланкой де ла Серда? Ледяной девушкой?

Неудивительно, что Эльфина сразу поняла, о ком речь. Бланка стала знаменитостью после смерти, о ней будут говорить еще десятки лет. Раньше в Глетчерхорне таких громких убийств не случалось.

– Да.

Девушка задумалась о чем-то, а потом медленно кивнула:

– Хорошо. Поговорим завтра в «Мюллере» в семь вечера.

– Почему не утром?

– Утром мне придется исправлять то, что натворил Шарль, и убеждать историка, что я достойна получить второй шанс и сдать этот проклятый промежуточный зачет. Что будет очень сложно, ведь историк меня в глаза не видел и вряд ли вспомнит.

– Встретимся утром, – настоял Фауст. – Твой зачет по истории к тому моменту будет получен – историк и правда не отличается памятью на лица. Взамен ты дослушаешь меня до конца.

Эльфина Рейн смерила Фауста недоверчивым взглядом, но согласилась.

Глава 9

ЭЛЬ ШЛА НА ЗАВТРАК в растрепанных чувствах. Фаустино застал ее врасплох, когда появился в комнату, поэтому она не послала его сразу. Возможно, тогда, в их первую встречу, Фаустино и правда хотел с ней поговорить, а она сделала вывод на пустом месте и привязала его к дереву ночью. И пусть ее вело подсознание Шарля де Крюссоля, но ведь и сама Эль пряталась где-то внутри. Она главная, просто иногда не в силах устоять перед соблазном. Именно так ей нравилось думать.

Чувство вины и эффект неожиданности смешались, поэтому она согласилась на встречу с Фаустино. А еще он поманил ее зачетом... За это она выслушает его до конца. Тем более промежуточный зачет появился утром в системе: если верить приложению Глетчерхорна, Эль как примерная студентка сдала историю вместе с остальными. Это впечатляло. Но не настолько, чтобы впутаться в сомнительную историю.

Эль никогда понапрасну не рисковала: дела либо приносили ей внушительные доходы, либо влияние среди виаторов-однокурсников. Будущих светил Комиссии, двигателей прогресса... Даже в Глетчерхорне Эль оказалась по одной простой причине: ей нужны были связи. Учеба ее не интересовала, потому что Эль не могла учиться на уровне с остальными. Она же... с изыном. Но много лет спустя ее однокурсники займут высокие посты, а Эль использует их прошлые ошибки. Ради свободы. Убийство сюда никаким боком не вписывалось. Слишком много сложностей, много ненужного внимания и рисков. Хотя еще год назад Эль поняла, что мсье Лерой вряд ли виновен в произошедшем. В этом ледниковом убийстве было много чего странного и неясного, а от такого лучше держаться подальше. Так что Эль выслушает Фаустино, поблагодарит за зачет, извинится за недоразумение с деревом и попрощается навсегда.

Фаустино уже ждал ее в «Мюллере», Эль села напротив и улыбнулась:

– Слушаю.

– Вот так сразу? Может, для начала сделаем заказ? Я бы сказал, что угощаю, но здесь все бесплатно.

– Хорошо, дай мне минуту.

Они оба оказались любителями классики: выбрали по яичнице с сосисками и молча устали друг на друга, ожидая, кто же заговорит первым. Эль разглядывала Фаустино де Веласко со свежей головой, не ожидая подвоха и не планируя чего-нибудь эдакого. Обычно Эль твердо придерживалась правила: все, что произошло под влиянием чужого подсознания, остается вместе с чужим подсознанием в прошлом, но правило это не всегда работало. Стыд нет-нет, да давал о себе знать. И сейчас Эль было неловко за себя и свои выходки. Соседки переживут приключения с зубной пастой, но с Фаустино Эль была по-настоящему безжалостна. А он ничего, даже на завтрак ее пригласил, смотрит без осуждения.

– Спасибо за зачет. – Эль заговорила первой. – Впечатляет.

– Ничего особенного, – отмахнулся Фаустино.

– Ты компьютерный гений или что-то вроде того?

– В прошлом году работал в IT-отделе, писал новые приложения для Глетчерхорна и менял старые коды.

– Новые приложения? Типа GletcherCouple?

Фаустино хохотнул:

– Нет, пусть виаторы строят свою любовь без моего участия.

Эль вымученно улыбнулась. Приложение Gletcher-Couple (GC) было запущено в прошлом году и набирало обороты с бешеной скоростью. Зарегистрироваться в нем могли исключительно виаторы, причем не только обучающиеся Глетчерхорна, а вообще все, из любых точек планеты. Разработчик был еще студентом, поэтому и выбрал соответствующее название. При-

ложение же базировалось на тех же алгоритмах, что и десятки похожих: поиск совпадений, общих интересов, целей и направленностей Сомнуса, и все ради создания идеальной ячейки общества.

Приложение имело несомненный успех, но и критиков хватало, потому что цель ГС прослеживалась четко: размножение и усиление способностей будущего поколения виаторов. Евгеника, если говорить прямо. Поэтому-то в совпадениях всплывали только равные по возможностям виаторы. Эль всегда пугали такие идеи, потому что о евгенике она знала не понаслышке.

Завтрак наконец принесли, Эль и Фаустино быстро перекусили, время от времени бросая друг на друга настороженные взгляды. Эль и сама не понимала, отчего то и дело глазают на парня. Ведь она для себя все решила. Никакого убийства, никакой Бланки де ла Серда. Не стоит лезть в океан, когда до этого топталась в одних лужах.

Наконец Фаустино отложил вилку и аккуратно вытер рот салфеткой.

– О тебе говорят много разного, – начал он. – Иногда это не самые приятные вещи, и, пожалуй, теперь я могу добавить к этим сомнительным историям свою. Но мир не черно-белый, а по-настоящему талантливые люди часто оказываются не такими, какими их хотят видеть другие. Главное – результат, продукт деятельности. А ты выдаешь продукт качественный. Я тут говорил кое с кем...

– И они поделились с тобой историями?

– В анонимной переписке.

Эль усмехнулась, припомнив, как Фаустино организовал ей зачет.

– Такой уж анонимной?

– Это неважно. Их иллюзии остались с ними, все довольны.

– Я уловила мысль. Ты хорошо объяснил про «черно-белый мир» и свой взгляд на жизнь. – И про нее саму, завернув про «талантливых с душком», подумала Эль, но промолчала. В конце концов, Фаустино вправе на нее сердиться: очнуться морозным утром практически голышом – удовольствие ниже среднего. Так же неприятно, как быть похищенной среди бела дня.

– Еще ты любишь деньги, – невозмутимо продолжал Фаустино, глядя девушке в глаза. – Я долго ломал над этим голову и до сих пор не понимаю, зачем они тебе. Но дело твое. Я готов заплатить. Любую сумму.

– Обычно я прошу много.

– Я дам больше обычного.

Эль усмехнулась: похоже, анонимные истории, добытые Фаустино в интернете, не отражали всей правды. Люди таким не делятся даже инкогнито, стараются забыть о произошедшем... и их надежды могут сбыться. А могут и нет. Как повезет.

Эль брала не только деньги.

Деньги были вершиной айсберга, необходимостью и прикрытием одновременно. Когда Эль и Гай отправились бродяжничать в двенадцать лет, поначалу было туго. Способности сноходцев выручали, но они быстро поняли, что это неправильно, грязно. Нет, Эль готова была нарушать правила, невинной девочкой она никогда не была, но и у нее за годы скитаний по миру – реальному и не очень – появился целый свод правил. И первым пунктом в нем значилось: никогда не использовать невинных людей, не идти по головам слабых и беззащитных. Тех, кто ничего не знает и ничего не может противопоставить силе виатора.

Поэтому Эль и Гай нашли другой путь. Как два недоверчивых волчонка, Эль и Гай прятались в подворотнях Амстердама, Парижа и Брюсселя, вдыхали сладковатый запах свежескошенной травы, круассанов и вафель. Но не свободы. Они боялись, и боялись постоянно.

Тогда на их пути возникла Марта Рейн. Пожилая мыслительница, с которой они познакомились случайно. В первую встречу она не задавала вопросов, просто угостила их горячим

ужином и первая в большом мире людей проявила доброту. Во вторую встречу Марта перешла к делу: оказалось, она сама была виатором и знала, откуда явились два «безродных волчонка». Знала все время. И искренне хотела им помочь, просто не понимала как. У Марты Рейн не хватало связей, а порой они важнее всего. Тогда Эль впервые задумалась о мире виаторов как о вселенной возможностей и полезных знакомств, а не о месте, где царят кошмары и абсолютный порок.

Зло всегда можно победить. Но не страхом и прятками. Зло наградило Эльфину необычным талантом. Оружием, если угодно. И зло должно от него же погибнуть. Зло создало кошмар, и кошмар его уничтожит.

Может, старая Марта в далеком прошлом не помогла им так, как ей того хотелось, но она сделала намного больше: создала Эльфину Рейн. Пугливая, с темными кудряшками и чуть пухловатая девочка с давно забытым именем исчезла. Ее место заняла Эль, мыслитель среднего уровня, сначала просто девочка, а потом студентка Глетчерхорна. Совсем незаметная, но умеющая прийти на помощь другим за определенную плату. Но за три года масштаб личности Эльфины Рейн вырос до такой степени, что о незаметности можно было лишь мечтать. Да и сама Эль обнаглела. Все давалось ей легко, поэтому она шла дальше, брала новые вершины. Она чувствовала власть и обретала силу, пусть и опасалась быть раскрытой, ведь с каждой проделкой на горизонте все яснее маячил преподавательский состав или Комиссия. Но власть сильнее страха.

Три года не прошли для Эль даром. Однако обретенного влияния все же пока недостаточно. Личный кошмар Эльфины Рейн так велик, что для победы над ним придется приложить немало усилий. Придется вытащить из мира Сомнуса еще сотни паразитов сознания и раздать их однокурсникам за оказанные услуги. Говорят, Эльфина Рейн работает на неведомого Паука. Но паутина, сплетенная вокруг нее, ясно намекает, кто здесь Паук. Это просто еще одна личность талантливой девушки.

У виаторов все подчиняется правилам, поэтому никто и никогда не заподозрит Эльфину Рейн в изъятии паразитов и других продуктов мира снов. Никто не заподозрит ее в извлечении Фаустино де Веласко. Потому что по законам сноходцев это невозможно. Считается, что мыслитель не способен на извлечение, как материалист не способен влиять на подсознание и как астрал не способен ни на что из вышеперечисленного.

Но иногда законы мироздания нарушаются и на свет появляются исключения. Со множеством изъянов и побочных эффектов, но это только пока. Первый блин всегда комом, но будут и другие блины, более цельные... Именно поэтому Эльфина когда-то сбежала от матери: ее пугала мысль стать началом конца.

Глава 10

– БЛАНКА БЫЛА твоей девушкой? – начала Эль.

– Нет. Но мы выросли вместе. Я, Гастон – ее брат, Шарль, Генри, Эрих и Сэм – Саманта. Шарля и Генри ты наверняка знаешь, Гастон пока не готов вернуться к обучению, Эрих занят спортивной карьерой и Глетчерхорн заканчивает заочно, а Сэм выпустилась летом.

– И вы все хотите меня нанять? Или только ты?

– С чего бы начать... – Фаустино запнулся и нервно взъерошил волосы.

Судя по всему, разговор о Бланке давался ему нелегко. Может, он был в нее тайно влюблен, а теперь страдает? Хочет найти успокоение в расследовании, которое никуда не приведет? Последнее Эль четко осознавала. Раз в смерти Бланки столько странностей, значит, они были кому-то нужны. Кому-то, способному надавить на расследование Комиссии, обвинить потенциально невиновного и все замять. В общем, можно даже не пытаться что-то выяснять. Но как сказать об этом Фаустино, Эль не знала. По странной, невероятной причине она даже прониклась сочувствием к сидящему напротив парню. Что тоже не слишком хорошо.

– Есть признание, понимаешь? – наконец собрался с духом Фаустино. – Есть переписка Бланки и мсье Лероя, есть показания соседки Би, которая знала об их связи. Якобы они встречались несколько раз, а потом Би потеряла к нему интерес. Лерой начал беситься, скандалить... Классическая история, каких миллионы.

– И в признание все верят, но не ты.

– Что-то вроде того.

– А от меня ты чего хочешь? Я не частный детектив.

– А Паук?

– Откуда мне знать, – пожала плечами девушка.

Фаустино усмехнулся и покачал головой:

– Конечно, откуда тебе знать... Хотя ты кое-что забыла: я справки наводил. Да, чаще о тебе отзываются как о мыслителе, способном на невероятные вещи. Ты сильна, Эльфина Рейн, и ты этим пользуешься, воруешь воспоминания, да так, что не подкопаться. Но ты действуешь не одна. Это точно. С тобой материалист, проводящий извлечения за деньги. Вы... не понимаю, зачем вам это, но какая разница. Я хочу воспользоваться вашими услугами и готов заплатить. Мне двадцать один, трастового фонда хватит на покупку страны, не может быть, чтобы тебе этого было мало. Или ему.

Надо уходить сейчас же! Встать и уйти. Они в Глетчерхорне, а значит, даже счета ждать не придется. Но Эль словно приросла к стулу, потому что хотела дослушать до конца. Фаустино де Веласко показался девушке разумным, тем более он программист, а значит, способен к критическому мышлению. У него есть что-то помимо эмоций и подозрений в невиновности Уго Лероя. У него есть какие-то факты, доказательства.

– Расскажи все, а там посмотрим, – сдалась Эль.

И Фаустино рассказал. О Бланке и ее привычках, о ее любви к высоким каблукам и ненависти к спорту. Бланка любила платья, громкие премьеры и бриллианты, уход за собой, салоны красоты... Такая девушка не доберется пешком до ледника, это ведь километров десять по скалам. Тропа есть, но обрывается на половине пути, дальше даже для подготовленного спортсмена подъем нелегкий.

– И я говорю не о том, что это само по себе странно – тащиться на ледник выяснять отношения, – весомо добавил Фаустино. – В голову людям и не такое приходит. Я говорю о том, что Би никогда бы туда не дошла. Просто физически. Она бы легла на землю через пару километров и отказалась идти.

– Ее могли заставить, – выдвинула предположение Эль. – К тому же не стоит недооценивать возможности человека, который чего-то *захотел*. Одно дело – разыгрывать недотрогу в обычный день, совсем другое – действовать в чрезвычайной ситуации.

– Мсье Лерой назначил ей свидание, что в этом чрезвычайного?

– Не знаю, – ответила Эль. – Это ведь не я шла к нему через горы. Ладно, рассказывай дальше...

Фаустино говорил коротко и по делу. Возможно, репетировал, а может, лаконизм был его отличительной чертой. Во всяком случае, Эль ни разу не захотелось его поторопить или остановить ради уточнений. После рассказа о физической подготовке Бланки он перешел на ее личную жизнь. Бланка была зарегистрирована в приложении GC – Фауст часто видел знакомую цветовую гамму в телефоне девушки. Она с кем-то общалась, переписывалась ежедневно на завтраках, лекциях и даже по вечерам, проводя время в компании с друзьями. И переписывалась она не с преподавателем.

– А с кем?

– В этом и проблема: я не знаю.

Брови Эль удивленно поползли вверх:

– Ты не знаешь? Я думала, ты взломал ее аккаунт и все выяснил.

– Конечно, я это сделал. Но там было пусто. То есть переписок много, совпадений и так далее тоже предостаточно, но ничего серьезного. В основном короткие приветствия, смайлики или неудачные попытки флирта. Ничего такого, что могло занимать Би постоянно, понимаешь?

– Кто-то удалил переписку? Но разве интернет не хранит все?

– Нет, если находится способный человек, которому очень хочется замести следы.

– Такой, как Уго Лерой? – Вот так совпадение: молодой преподаватель, обвиненный в убийстве, как раз занимался IT-технологиями.

– Это был не он.

– Почему ты так думаешь?

– Потому что он псих, который сразу во всем сознался. В слежке за Би, в ревности... Как-то это не вяжется с портретом человека, взломавшего приложение и подчистившего улики. Зачем тогда признаваться?

– На него надавили, он испугался. Не ожидал, что на него выйдут.

Фаустино покусал губы, раздумывая о чем-то.

– Я нашел аккаунт мсье Лероя в приложении. И он никак не мог выпасть Би в совпадениях, совместимость процентов пятнадцать. Би из старинной семьи, где каждое поколение виаторов сильнее предыдущего. Они об этом заботятся. А Уго Лерой – середняк с намешанной кровью, его бабушка вообще не из виаторов. У них не было шансов встретиться в приложении, они должны были общаться в другом мессенджере. А я видел именно GC, причем много раз.

– Хорошо, – медленно кивнула Эль. – Но ведь и это еще не все?

– Этого хватило, чтобы я заинтересовался расследованием Комиссии и достал их отчет. С фотографиями, текстами допросов, результатами вскрытия... И моя уверенность, что с Би все не так просто, укрепилась окончательно.

– Ты достал отчет Комиссии?!

Фаустино кивнул.

– Но как? Он же... ну, в Комиссии. – Комиссия существовала в мире снов и не была местом, которое можно легко обворовать. – Через отца?

– Ты согласна помочь или нет? Не думаю, что на пустом месте мне стоит так откровенничать. Без обид.

Эль в ответ лишь улыбнулась:

– Могу я взглянуть на этот отчет?

– Только после начала сотрудничества, – ответил Фаустино. – Видишь ли, я спрашивал про Паука и его способности не просто так. Отчет в моем подсознании, и его надо извлечь, иначе никаких фотографий.

– Что на них такого?

– Да ничего особенного. Просто застывшая во льду Бланка. Но застыла она с открытым ртом, с распахнутыми глазами... Ничего, что я так прямо? Ты, кажется, не из тех, кого способны напугать подобные вещи.

– Не из тех, – подтвердила Эль, думая об услышанном.

– Бланка умерла во льду после извлечения, я уверен, – подытожил Фаустино. – Так как мы поступим с отчетом? Еще я бы наведалься на ледник, пока не наступила зима. Совсем скоро путь будет отрезан. В прошлом году было так много снега, только к концу августа появилась возможность нормального спуска.

– Мне надо подумать.

– Подумать?

– Я не занимаюсь расследованиями убийств, Фаустино. Прости. Я просто не знаю, как это делается, понимаешь? Я не следователь Комиссии, я даже про Шерлока Холмса мало слышала. Если бы тебе требовались чьи-то воспоминания или ты бы накосячил при ком-то и мечтал это подчистить, тут я бы помогла. Но убийство... ты просишь о невозможном.

Но Фаустино выводами Эль не впечатлился:

– Ты именно та, кто мне нужен, я уверен.

– Но почему?

– Потому что... Ладно, я понял: ты просто не хочешь. У тебя конфликт с Шарлем, и по какой-то причине ты проецируешь его личность на меня, я тебе неприятен. Но поговори с Пауком, вдруг он заинтересуется.

– Так вот в чем дело! – До Эль наконец дошло. – Думаешь, с материалистом за плечами легче будет найти убийцу? При условии, что извлечение вообще было, конечно.

– Не знаю. Но материалист как минимум сможет извлечь документы из моего подсознания. Сделать их реальными.

– Зачем их извлекать?

– Чтобы не засыпать каждый раз, когда захочу на них взглянуть, например.

– Разумно... Что ж, насчет документов обещаю подумать. На остальное лучше не рассчитывать, Фаустино. Мне жаль. – Эль не кривила душой. Этот парень за пару коротких разговоров сумел вызвать сопереживание. И это у Эль! Которой и себя-то пожалеть некогда.

Но документы достать легко, это она сделает. Только для начала нужно будет посоветоваться с Гаем, заручиться его поддержкой, а уже потом лезть в голову к Фаустино де Веласко. Может, Эль и прониклась к нему симпатией, но рассудок не потеряла: этот парень уж точно не слабее Шарля де Крюссоля, а значит, его подсознание полно сюрпризов и с Эль в его Сомнусе может случиться буквально что угодно. Нет, если идти, то только с Гаем.

– Напиши мне, когда решишь, – сказал Фаустино, и в этот момент телефон Эль пикинул входящим сообщением. Конечно, де Веласко уже раздобыл ее номер... Как же хорошо, что с Гаем она не переписывается. Все эти гаджеты ужасно ненадежны.

– Напишу, – пообещала Эль. Перед уходом она решила уточнить одну деталь: – А как зовут соседку Бланки?

Если Фаустино и удивился вопросу, то виду не подал:

– Милена Драгович, она мыслитель.

У Эль против воли вырвался нервный смешок: Милена Драгович была ее следующей целью. Эль уже приняла заказ, нехорошо отказываться... да и зачем? Это лишь совпадение, так к нему и стоит относиться. Все равно никакого расследования смерти Бланки де ла Серда

не будет. Но кое-что можно проверить, просто из любопытства. И сразу забыть, как страшный сон.

Ладно, сначала извлечь документы, а потом забыть.

Часть 2

Сны пылкой Милены Драгович

Глава 11

ЗАКАЗ НА МИЛЕНУ Драгович был рядовым – изъять воспоминания, ведь именно воспоминания – самая распространенная проблема. Фотографии можно уничтожить, тем более многие уже перестали снимать на камеру все, что в голову взбредет, а вот память... эту штуку не победить. В мире виаторов воспоминания можно прочесть, они служат доказательством в суде или при допросе. Память виатора вовсе не голословный рассказ, это весомый аргумент. Если виатор готов пустить себе в голову другого, разумеется.

О Милене Драгович Эль слышала немало – все-таки она жила среди девушек, а в коридоре хочешь не хочешь, но поймешь отголоски слухов. Если коротко: Милена Драгович любит парней. Разных. И да, даже в современном мире на такое поглядывали косо, хотя Эль и не понимала почему. Почему всем не плевать? Это же такая ерунда, на нее даже времени тратить не стоит.

Милена Драгович не славилась суперспособностями, она была рядовым мыслителем. Эль даже помощь Гая не пригодится для проникновения в Сомнус девушки. В подсознании Милены с паразитом можно творить все. И с его внедрением тоже все прошло гладко – в этот раз Эль не изобретала велосипед и даже обошлась без париков и поцелуев, всего-то попив с Миленой кофе.

Метод Эль не уникален, уравнение «паразит плюс мыслитель» избито и использовалось столетиями, но... но есть весомое, почти непреодолимое «но»: для этого уравнения нужны двое. Мыслитель и материалист с его способностью извлечения. И так работают только в Комиссии на специальных миссиях, важных заданиях. Материалистов мало, их ценят, даже зеленые студенты – и те всегда при деле. Поэтому рядовой студент не станет опасаться внедрения паразита в свое подсознание – это примерно то же самое, как ждать нападения динозавра за завтраком. А Эль, несмотря на все свои недостатки, умела больше других. В ней сочеталось несочетаемое.

Перед тем как нырнуть в Сомнус Милены Драгович, девушка нашла Фаустино и передала ему сложенный вчетверо листок.

– Здесь указано, куда должны поступить деньги, – пояснила она. – Это цена за извлечение документов. Остальное обсудим после, но учти, вряд ли фотографии мертвой Бланки смогут меня переубедить.

Фаустино развернул листок, его брови поползли на лоб от удивления:

– Сколько?!

– Ты сам хвастался трастовым фондом. Не очень умно, когда говоришь с тем, кому будешь в итоге платить.

– Паук твой – жадный ублюдок.

– Обязательно ему передам, – улыбнулась Эль. – Как только узнаю, о ком ты вечно твердишь.

– Не обязательно играть в эти игры. Деньги будут.

– Отлично. Встретимся позже и обсудим детали.

Ночью Эль плотнее закуталась в одеяло (осенне-зимнее время в Глетчерхорне отличалось безжалостностью к студентам, старые замки плохо хранили тепло) и провалилась в Сомнус.

Есть много теорий о том, что в Сомнусе все взаимосвязано. Что есть способы проникнуть в подсознание любого человека, просто уснув, что мир подсознания един для всех. Но Эль не понимала сути этих предположений. Она знала, что есть люди, открытые другим из-за банального незнания, есть люди, которые не против вторжения конкретного человека (так Эль без труда находила Гая, у них была связь), а также есть паразиты, открывающие окно для проникновения посторонним. Все подчиняется правилам, написанным так давно, что их автор затерялся во времени. Память о нем стерлась, но его наследие живет в веках.

Эль могла лишь догадываться, как действуют другие виаторы. В Комиссии используют паразитов на постоянной основе или взламывают подсознание, имея преимущество в силе и знаниях? Эль слышала, что в мире снов все всегда индивидуально. Кто-то совершает переходы через двери, у кого-то огнем горят порталы, как в какой-то видеоигре. Способы перехода могут меняться, но это скорее исключение, чем правило. Говорят, у взрослых виаторов с окрепшим сознанием в какой-то момент остается лишь один проверенный метод – сила прищипки берет верх над воображением.

Пока все эти «может быть» и «говорят» очень даже вписывались в происходящее с Эль. Раньше ее переходы подсвечивались красными огнями, такие черные дыры с отблесками алого света. Маленькие Гай и Эль долго жили в Амстердаме, что не могло не отразиться на их подсознании. Теперь же Эль выросла, и переходы стали сложными даже для самой хозяйки сна. Они обросли жизненным опытом, превратились в длинные горные тоннели, полные мрака и сырости.

Эль из тех девушек, в чье подсознание лучше не заглядывать – позитивного там мало. Поэтому, как только Эль вышла из тоннеля, ей показалось, что с паразитом и переходом что-то не то. Окно не сработало, или Эль заплутала в темноте, пока уворачивалась от камнепада. Уж очень мрачно было внутри Милены Драгович. Грязное небо практически легло Эль на плечи, нулевая видимость из-за густого тумана, а под ногами она обнаружила что-то вязкое, похожее на грязь, смешанную с тестом и кровью. Даже в мире Эль было как-то повеселее.

Девушка обняла себя за плечи и побрела по мерзкой жиже. Под ногами громко чавкало, с каждым шагом грязь подлетала все выше. И можно сколь угодно долго убеждать себя, что грязь эта ненастоящая, но проблема в том, что чувствовалась она реальной, противной до безобразия, а промокшие ноги и песок в ботинках ситуацию не спасали. Все, что происходит в подсознании, остается там же. Но проблема в том, что чувства и ощущения в этом иллюзорном мире куда как реальны.

Эль часто говорила Гаю, что привыкла к смертям во снах. Она и себе так говорила. Но это ложь. И сейчас Эль надеялась, что выберется через переход, а потом традиционно проснется и ей не придется экстренно извлекать себя, спасаясь от бунтующего подсознания Милены.

Завыл ветер, туман впереди за клубился, являя острые пики крыш. Конечно, это город. Центр подсознания почти всегда город, он даже зовется городом кошмаров. В случае Милены Драгович это что-то средневековое, вонючее, с тряпками на окнах и стонами в подворотнях. Эль шла вперед, стараясь не смотреть и не слушать, но зловещие звуки настигали ее. Значит, Эль движется в верном направлении.

Темная ночь вдруг отступила, забрезжил рассвет, обнажив царящее вокруг уныние, выставив парочки из подворотен на всеобщее обозрение. Или на обозрение одной Эль, она тут главный зритель. Подсознание Милены старается для нее, являя кошмары. Кошмары – они как паразиты, такие же местные жители, если верить гипотезам. А еще кошмары могут быть людьми, взять виатора в плен, погрузить его в сладкую вечную кому. В Комиссии есть целый отдел мыслителей, которые разыскивают таких виаторов и вырывают из лап кошмаров, иногда удачно, а иногда не очень. Когда-то мать Эль там работала. Пока страшные идеи ею не завладели.

– Гуляешь? – Рядом с Эль появилась Милена Драгович.

Такое порой случалось, в столкновении с хозяином сна не было ничего необычного. Это даже к лучшему – значит, Милена не чувствует подвоха. Паразит сделал из Эль желанную гостью, которой не грех и помочь.

– Ищу воспоминание, – ответила Эль.

– У меня их много. Какое тебя интересует?

– То, что связано с Антоном Красичем.

– Антошка! – звонко рассмеялась Милена. – Редкая сволочь и редкий извращенец. Ты знала, что он извращенец? Из-вра-ще-нец. Забавное слово, рядом с Антошкой мне нравится его повторять, он так потешно бесится. И почему все извращенцы скрывают свою суть? Почему им важно изображать хороших мальчиков? – Девушка покачала головой и поманила Эль за собой.

Они вышли к средневековому особняку в готическом стиле. Длинные узкие окна, лепнина и гаргульи у входа. Несмотря на рассвет, ворвавшийся в Сомнус вместе с Миленой, дом скрывала тьма.

– Брюс и Питер, – указала Милена на гаргулий. – В детстве я воображала, что эти двое – мои личные супергерои и они меня обязательно спасут, когда понадобится. Ну знаешь... Брюс всегда мог отвалиться, упасть вниз и размозжить чью-то голову. Очень супергеройский поступок.

Эль сглотнула тяжелый ком в горле, по опыту зная, что в особняке ничего хорошего не будет. То, что случилось в Сомнусе, остается в Сомнусе... *остается в Сомнусе*. Останется здесь.

А Милена все любовалась гаргульями:

– Эти ребята пропадали много лет. Как думаешь, почему они появились вновь? Мне снова нужны супергерои? Но я большая девочка, научилась жить без них. Возможно, я сама в это не верю, поэтому они со мной...

Или гаргульи здесь из-за Эль – вторженки.

– Как давно они появились? – спросила девушка, оглядываясь по сторонам: пока никаких знаков, что подсознание Милены взбунтуется. С Шарлем все было очевидно сразу, а тут... Туман степенно стелился по городу, грязь под ногами, холодная и неприятная, не густела и не поднималась выше, не превращалась в трясину. Все спокойно.

– Примерно год назад. Тогда тоже была осень...

Эль ни при чем, год назад погибла Бланка де ла Серда.

Кажется, в подсознании Милены Драгович Эль ждут открытия.

Глава 12

Внутри особняка было темно и гулко, под ногами скрипели половицы. Откуда-то сквозило, как при открытых окнах ледяной зимой. У Эль окоченели пальцы на ногах и наверняка покраснел нос. А вот стоящая рядом Милена, казалось, не замечала холода. Обычное дело – каждый человек воспринимает происходящее в мире Сомнуса по-разному. В этот раз Эль зацепили то ли парочки в подворотнях, то ли надломленный образ Милены Драгович, то ли предчувствие беды. Очевидно, гаргульи не просто так объявились год назад.

– Идем, Антошка ждет. – Милена поманила гостью подсознания за собой.

Точно, Антон Красич! Про него Эль успела забыть.

Они спустились вниз, в подвал. Весело улыбаясь, Милена рассказала, что здесь десятки уровней, погружаться можно на какую угодно глубину. Все зависит от человека: важно, к чему он готов, а чего боится. Опыт путешествий по чужим мирам поведал Эль больше, чем сама Милена, – из общих фраз девушки нельзя было догадаться о скрытом в глубинах подсознания.

Внутри Милены Драгович была тьма. А особняк и подвал – настоящие, они из жизни. Вовсе не обязательно, что в настоящем подвале так же сидели на цепях люди, раздавались звуки хлыста, от которых в жилах стыла кровь... Но что-то подобное наверняка происходило. И натянутая улыбка Милены только подтверждала подозрения.

Когда-то давно Эль была маленькой девочкой. И она мечтала, что вырастет, поборет своих демонов, а потом возьмется сражаться с чужими. Вот с такими, например. В своих фантазиях Эль не забывала о проблемах других, она отправлялась их решать. Сейчас маленькая Эль наверняка бы захотела отправиться на поиски этого особняка и подвала, узнать о сути тающей там тьмы. Но большая Эль... она видела похожие образы так часто, что смирилась. Да и свои демоны пока на месте, живы, здоровы, растут и множатся, подобно опухолям.

– А вот и наш мальчик. – Милена подвела Эль к закрытой на засов комнате, одной из тысяч. Воспоминание об Антоне Красиче, на двери красной краской было выведено его имя. Крупные капли краски стекали на пол, собираясь в алые лужицы.

Эль двумя руками взялась за ржавый засов и потянула. Дверь лязгнула, изнутри донесся крик. Антон Красич сидел в подвале в луже собственной мочи и скалился. Материальное воспоминание, надо же! Выглядит настоящим человеком, но это фантом, извлечь его не получится. Да и не очень-то хотелось... Воняло в камере ужасно, ни в какой реальности не встретишь *такого* запаха. Ко всему прочему, Антон сидел голым, раскинув по сторонам худые бледные ноги и издавая какие-то звериные звуки.

– На выход! – скомандовала Эль, отворачиваясь.

Антон встал на колени и пополз в коридор. На девушек он не оборачивался, полз себе и полз, пока не исчез в темноте. Теперь воспоминание о нем затеряется – для настоящей Милены Антон останется знакомым, но произошедшее между ними исчезнет в глубинах подсознания. Если, конечно, не найдется энтузиаст, который проникнет в подсознание Милены и вернет Антона на место, но это вряд ли.

– Извращенец, – с грустью покачала головой Милена. – Терпеть таких не могу, но они все время липнут. Это потому, что я люблю секс, как думаешь? Но это же совсем разные вещи, почему никто не понимает?

– Нам нужно закончить еще с одним делом, – перебила девушку Эль.

– Дело важное? А то я бы с тобой поболтала.

– Важное.

Милена вздохнула:

– Жаль. Ты хороший собеседник, так и хочется рассказать тебе все.

Да, потому что паразит сознания иногда так действует. Очередной побочный эффект, которых и без того не счесть. Поэтому иногда Эль так хочется сбежать на край света и свернуться там клубком, не зная чужих кошмаров. Но ради Гая она остается.

Пожалуй, когда-нибудь они действительно сбегут. Но только после того, как разберутся со своим прошлым. А может, и нет. Эль часто фантазировала о будущем, и в этих мечтах ее дар всегда оставался с ней. Она такая, какая есть. И пусть Гай видел ее страдальцей, преодолевающей трудности, на деле все было сложнее.

– Меня интересует Бланка, – сказала Эль, запирая дверь с именем Антона. – Покажешь, где ты хранишь воспоминания о ней?

– Конечно. Но Бланка намного, намного глубже...

Они спустились вниз еще на несколько десятков пролетов. Милена не обманывала – каждый уровень угнетал все больше. Было много крови, жестокости, насилия и смрада. Мучительно хотелось сбежать отсюда и как следует помыться. Эль считала мрачной себя, но Сомнус Милены Драгович был намного, *намного* хуже ее собственного. Да если их сравнивать, можно сказать, у Эль розовые единороги скакали по радугам!

Дверь с ржавым засовом на вид ничем не отличалась от той, за которой прятался Антон Красич. Но в этот раз Милена заметно нервничала, кусала губы и то и дело оборачивалась, словно ожидая нападения из темноты. Она не хотела, чтобы Эль увидела, что таится за дверью.

Глядя на Милену, Эль отодвинула засов. Петли жалобно скрипнули, дверь отворилась. За ней оказалась пустота. Как будто кто-то вырезал целую комнату из подвала, решив, что ей здесь не место. Выдернул с корнем. Эль даже заметила отколотые куски фундамента, плотный грунт, на котором было построено здание. И только в самом углу валялась одинокая картонная коробка. Эль открыла ее и увидела воспоминания: несколько фотографий с Бланкой, ее смех, ее одежда, ее привычки... но это все ерунда. Мелочь, призванная спрятать очевидный факт: кто-то похозяинничал в подсознании Милены Драгович, грубо стерев из него нечто важное. Поэтому над особняком появились гаргульи.

Милена знала что-то важное, и некий человек уничтожил ее знания. Он сделал это варварски. Может, торопился, или ему просто было плевать, или виатор был слабее Милены, а девушка сопротивлялась, совсем как Шарль де Крюссоль при вторжении Эль... Варианты разные. Но несомненно одно: год назад здесь кто-то побывал.

– Проводи меня наверх, – тихо попросила Эль, закрывая дверь. Ей надо было все обдумать.

Милена сопровождала гостью до перехода, всю дорогу болтая о жизни. Эль не слушала эти откровения, она думала об увиденном. Вид выдернутой из подсознания комнаты перекрыл собой остальное, целиком и полностью захватив девушку. Зачем, почему, кто? Мыслитель или материалист? Кажется, Фауст подозревает в убийстве материалиста, но, судя по увиденному внутри Милены, работал мыслитель. Материалисты не умеют стирать воспоминания или менять их.

Ладно, Эль извлечет документы Комиссии и изучит их. Просто чтобы удовлетворить любопытство, закрыть этот вопрос.

– Заходи еще, – на прощание улыбнулась Милена Драгович.

– Лучше я сгорю в аду, – пробормотала Эль, ныряя в каменный тоннель.

Гай ждал ее, сидя меж своих пряничных домиков и попивая какао. Пахло корицей и яблоком – для Эль этот запах давно стал родным и ассоциировался с Гаем, ее пряничным героем. При виде Гая улыбка возвращалась на лицо сама собой, а впечатления от чужих миров перечеркивались привычным ароматом и чувством спокойствия. В подсознании у Гая она была как дома. Порой Эль думала: отчего его Сомнус выглядит именно так, не из-за нее ли? Не ради таких вот моментов быстрого успокоения, инъекции моментального счастья? Гай говорил, что

нет, такое невозможно. Но в мире Сомнуса, несмотря на множество законов, были свои исключения.

– Как все прошло? – спросил Гай, когда Эль устроилась напротив.

– Воспоминание стерто.

– Рад, что в этот раз ты легко справилась.

– Ты же знаешь: легко не бывает. – Сама Эль выбрала бы плавающий под ногами асфальт, бунтующее подсознание и пробуждение через болезненную смерть, а не мрачные подвалы с существами, обмотанными чьими-то кровавыми кишками.

Гай болезненно вздохнул:

– Знаю. Если хочешь, я пошлю Минку Рейли, а ты отдохнешь...

– А что там с Минкой?

– Воспоминание.

– Удивил. – Эль не удержалась и закатила глаза. – Чье?

– Алана Блавоны. Пока приходишь в себя от подсознания Милены Драгович, я наведу о нем справки, чтобы знать, к чему готовиться. Но имя я уже слышал: Алан – первокурсник, ему лет восемнадцать. Любит покататься зимой на доске, судя по социальным сетям.

– А кто в Глетчерхорне этого не любит?

– Это верно. – Гай вдруг улыбнулся и взял Эль за руку, почувствовав, что прямо сейчас ей нужна его поддержка.

Запах корицы, участие друга – и Эль действительно стало легче. Она сжала пальцы парня и улыбнулась в ответ.

Гай решил сменить тему:

– Говорят, в женском крыле замка организовалась заварушка, если не сказать война. В Фише раскуплена вся зубная паста. Парни готовятся к осаде, ведь ваши баталии могут перекинуться и на нас.

– Очень смешно! – фыркнула Эль.

– Тебе смешно, а де Крюссоль сегодня предлагал ударить первыми.

– Избавиться от его подсознания было счастьем.

– Это точно. Извлекать Фаустино де Веласко не стоило, Эль. – Гай все еще улыбался и говорил мягким тоном, но уже не шутил. Разговор быстро перетек в иную плоскость. – Извлечение – всегда риск себя обнаружить. Ты уже местная знаменитость, все давно вышло из-под контроля, но так нагло извлекать человека... Он может санкционировать расследование Комиссии. С Комиссией мы не справимся, Эль. Нам часто везет, но рано или поздно это закончится. Воровать воспоминания у всех без разбора не получится, ты не всесильна. И ты потеряла контроль настолько, что иногда... иногда мне кажется, *они* нас уже нашли, несмотря на все предосторожности. И сейчас *они* ждут подходящего момента.

Повисла тяжелая пауза, как и всегда, когда речь заходила о *них*.

– Расследования не будет, – ответила Эль, отдергивая руку. – Фаустино нужны мои таланты, он будет молчать. И с Аланом Блавоном в любом случае придется подождать: я согласилась на еще одно небольшое, но прибыльное дело. Нужно извлечь кое-какие документы.

– И это как-то связано с де Веласко?

– Связано.

– Два извлечения рядом с этим парнем, Эль? Риск.

– Он фантазирует о Пауке, а меня видит то ли посредником, то ли девушкой на побегушках, – отмахнулась Эль. – Но ты прав, это риск, потому что Фаустино кажется мне умным малым. К нему пойдем вместе, ты меня подстрахуешь. Тогда никакого риска не будет. И... пожалуйста, не надо сейчас нравоучений, я уже согласилась.

– Как скажешь, Эль. – Гай пожал плечами, но в его взгляде читался протест. Все связанное с материалистами ему не нравилось. Он считал, что быть мыслителем безопаснее, пусть и допускал использование паразитов. Но не полноценные извлечения.

– Думаю, хватит нескольких дней, чтобы избавиться от Милены Драгович, – уже веселее продолжила девушка, откидываясь на кресле. – Чем меньше я сопротивляюсь, тем быстрее становлюсь собой, поэтому... избегай меня в следующие дни.

– Говорят, Милена помешана на сексе.

– Значит, это будет продуктивнее ночей с зубной пастой.

Глава 13

Эль накрыло на следующий день. Она не сопротивлялась, по опыту зная, что ситуацию проще отпустить, тем более никаких криминальных наклонностей не наблюдалось. Одно дело – противиться убийству щенков (тут Эль бы приковала себя к кровати или глотала бы гипнотин неделями, лишь бы лежать в постели), но секс – это всего лишь секс. Бывает удачный, бывает не очень, но оба варианта быстро забываются в потоке других событий. Хорошо бы в этот раз все прошло нормально.

Вечером Эль облачилась в широкие джинсы и открытый топ, нанесла яркий макияж, зачесала волосы. Посмотрела в зеркало: неплохо, вид лихой и дерзкий. Обычно платиновый блонд сильно бледнил Эль, но макияж многое менял. Вспомнив о холодных ночах, она выбрала куртку потеплее и вышла из своей комнаты.

Девушка собиралась спуститься в Фиш и даже добралась до станции подъемника, но внезапно поднялся совершенно невообразимый ветер, и подъемник на время отключили, пообещав, что через час он возобновит работу. Других путей добраться до деревушки не существовало, разве что вертолетная площадка с северной стороны замка... Но у Эль не было вертолета, вот в чем проблема. Поэтому она поплелась обратно.

Настрой провести вечер с пользой не пропал. Она даже порадовалась, что не придется тратить время на дорогу, к тому же езда в подъемнике в окружении других виаторов – то еще удовольствие. И обратно пришлось бы возвращаться... В общем, во всем есть свои плюсы. Но и минусы тоже – наверху обитали только виаторы, шанс встретить симпатичного незнакомца и после бурной ночи расстаться с ним навсегда стремился к нулю. А у Эль в прошлом уже был неприятный опыт.

Девушка вернулась к замку, прошла через парк и оказалась возле россыпи горных домиков. В основном это кафе и бары для местных, но чуть дальше начинались частные владения. Преподаватели в Глетчерхорне часто менялись, порой прилетали на несколько лекций, словно рок-звезды, и исчезали или читали лекции с экрана проектора. Но некоторые жили поблизости от замка, кто-то в преподавательском крыле, а кто-то в отдельном доме. Удобно, если семья большая и вертолетная площадка под боком.

Эль выбрала бар «Ледяной» с узнаваемым швейцарским колоритом. Ей нравились тяжелая мебель, особенные запахи, разные породы дерева в интерьере. Девушка скинула куртку, прошла к барной стойке и запрыгнула на высокий стул. Местные бары обслуживались обычными людьми. Насколько Эль знала, в Комиссии существовало целое рекрутинговое направление. Если коротко, то нанимали за большие деньги тех, кто потом не станет болтать, ибо есть контракт, который дает виаторам право вторгаться в память человека. Этакая видимость строгости и правил, хотя на деле любой виатор может осуществить вторжение и без контракта, это сложно отследить. Но так как здесь замешана Комиссия, было много правил и официоза.

– Что вам налить? – спросил симпатичный бармен.

– Водку с тоником.

– Ух! Брутально!

Эль улыбнулась, принимая напиток из рук бармена, но дальше улыбки дело не пошло: парень поспешил к другому посетителю. Что ж, он еще вернется, а пока можно обратить внимание на других гостей бара – в «Ледяном» былолюдно, в вечер выходного дня иначе и быть не может. Взгляд Эль скользил по темному помещению, ни на ком толком не останавливаясь. Фоном играла музыка, что-то из классического рока семидесятых, баллада о любви, способной перевернуть мир. Ох уж эти романтические рокеры, умеющие подбирать нужные для девочек слова.

Кто-то отодвинул стул рядом с Эль, но обрадоваться девушка не успела: сосед слабо кивнул и знакомым голосом сказал:

– Я все сделал по инструкции. Что дальше?

Раздраженная, Эль залпом выпила водку с тоником и с грохотом опустила стакан на барную стойку. Фаустино де Веласко жестом подозвал бармена и попросил повторить в двойном размере, заказав напиток и для себя.

– Дальше я сама тебя найду, – ответила Эль. – Необязательно преследовать меня и представлять с расспросами. Извлечение запланировано, оно не произойдет раньше по одному твоему желанию, это так не работает. – Эль не бралась за несколько дел сразу, ведь это тянуло за собой конфликт извлеченных подсознаний. Биполярное расстройство в квадрате, одним словом, а Эль и без того вполне себе хватало впечатлений.

– Я думал, ты найдешь меня сегодня.

– Сегодня я занята.

– В баре?

– Не твое дело.

– Мое, если ты отвлекаешься.

Эль мысленно закатила глаза: настырный какой! Стыд за извлечение отошел на второй план, да и случилось это давно, поэтому Эль резко развернулась, собираясь объяснить Фаустино де Веласко, что трогать людей, которые пытаются расслабиться в свой выходной, не стоит. Но вся злость исчезла, как только Эль увидела лицо парня.

Так близко и в то же время недостаточно близко. Эль тяжело сглотнула, глядя на Фаустино каким-то новым взглядом, и перед ней открылся целый мир, полный ярких красок, случился взрыв и зарождение сверхновой звезды. Этот парень всегда был таким красавчиком? Как она могла раньше не замечать *такие* губы? И эти глаза цвета растопленного шоколада, и длинные ресницы, и упрямый подбородок... но главное, конечно, губы. Такие полные, с красивым, даже совершенным абрисом. Такие губы просто обязаны заниматься всякими грязными штучками, а не прикладываться к бездушному стакану с тоником.

Эль бросило в жар, когда Фаустино поймал ее взгляд. Эль не могла думать, она уже ничего не соображала, только заерзала на стуле и плотнее сжала ноги. Привычка Фаустино смотреть в упор лишь усугубляла ситуацию. Эль и сама не заметила, как нырнула в омут этих сумасшедше шоколадных, таких притягательных глаз. Музыка, играющая на заднем плане, не помогла – солист хриплым голосом пел про жаркие ночи в объятиях любимой.

– У тебя все в порядке? – спросил Фаустино.

Вместо ответа Эль опрокинула в себя вторую порцию коктейля – ледяной напиток промчался по горлу и немного привел ее в чувство. А может, и не привел. Может, рядом с Фаустино де Веласко это вообще невозможно. Эль закусила губу, чтобы не всхлипнуть от отчаяния и распирающих изнутри чувств, а Фаустино... Фаустино все продолжал на нее смотреть. И что-то говорить, спрашивать. Эль таращилась на его губы не моргая, коктейль из самых разных эмоций кружил голову посильнее выпитой водки.

Теперь Эль парила в предвкушении. Она не отпустит Фаустино де Веласко, пока он не покажет ей, что умеет делать этими своими порочными и ужасно красивыми губами. И, как только Эль перестала сопротивляться и приняла это горячее, будоражащее кровь желание, стало легче дышать. Не без труда Эль оторвалась от созерцания Фаустино и заказала еще коктейль. Слишком жарко, слишком хочется пить, слишком хочется попробовать на вкус губы парня с шоколадными глазами. Интересно, они потемнеют, когда Эль затащит его к себе, когда и он наконец потеряет голову? Девушка не сомневалась, что глаза Фаустино станут черными, как угли.

Эль выпила очередной коктейль, достала кубик льда и провела им по лицу.

– Жарко, – пояснила она, глядя на Фаустино.

Кубик льда тем временем скользнул по шее и исчез в зоне декольте, оставляя за собой влажную дорожку. Теперь настала очередь Фаустино судорожно сглотнуть слюну, и, стоит признать, справлялся он лучше. Более того, он до сих пор смотрел Эль в глаза.

– Что с тобой происходит? – спросил он, хмурясь.

Эль спрыгнула со стула и кинула остатки льда в стакан:

– Проводи меня. Может быть, расскажу по дороге...

Глава 14

ОНИ ВЫШЛИ на темную улицу. Порыв ветра едва не сбил Эль с ног, но Фаустино удержал ее за локоть. Одно его прикосновение, пусть и через куртку, обожгло посильнее палящего солнца. Эль уже завелась до предела, так что трудно было дышать, и во всем этом виноват Фаустино. Его угольный взгляд, такой пронзительный, его отстраненность и попытка сделать вид, что он ничего не понимает. Фаустино бормотал что-то про коктейли, слишком крепкие, чтобы их пить. Убрал руку от Эль. А еще... да, он заметно волновался, потому что на самом деле он все понял.

Очередной порыв ветра заставил девушку поежиться. Влажные следы от ледяных кубиков, оставленные на голой коже, будто покрылись льдом. Эль и Фаустино шли к замку, за их спинами продолжала раздаваться музыка. Сердце Эль билось все чаще, она тоже волновалась. Оказывается, это до невозможности потрясающее чувство – предвкушение, смешанное с тем самым волнением, от которого то жарко, то холодно. Эль настоящая такого не испытывала... да никогда. И сейчас она не знала, как действовать, что будет дальше. Эль вели инстинкты, которые ей даже не принадлежали, но она целиком и полностью им доверилась. Ей было слишком хорошо, чтобы отступить, к тому же предаваться соблазнам порой так приятно.

У башни Риты Кастильо они остановились. Кажется, Фаустино собрался сбежать, но Эль молча повела его за собой. Фаустино уже знал, как забраться в общую комнату. Он ловко запрыгнул в окно, а следом затащил Эль. Он хотел уйти, даже шагнул обратно к распахнутой раме, но Эль поймала его за руку и покачала головой. Фаустино остался, поняв все без слов.

Они поднялись на третий этаж, Эль пустила парня к себе и плотно закрыла дверь. В комнате было темно, только дальние огоньки, освещавшие дорогу до замка, слабо пробивались сквозь занавески. Голова девушки кружилась от предвкушения, ожидание стало болезненным, а Фаустино так и застыл посреди комнаты. Он выжидал. Он не ушел, а значит, что-то его крепко зацепило. Или... он был просто парнем.

Эль подошла ближе и положила руки ему на грудь.

– Зачем ты привела меня сюда, Эльфина? – прошептал он, неотрывно глядя на нее.

Но брать ситуацию в свои руки Фаустино не спешил. И это тоже ужасно заводило Эль. Ей нравились орешки покрепче.

Она приложила палец к его губам и застыла, завороченно наблюдая за реакцией парня. Теперь ей хотелось действия, чтобы Фаустино наконец отпустил себя, прикусил ее палец, толкнул к стене, вжимаясь всем телом в Эль, но пока он был скалой. Поэтому Эль быстро убрала руку и сама потянулась к нему с невыносимо долгожданным поцелуем. Фаустино сразу ответил, он сдался еще внизу, когда не выпрыгнул в окно, как собирался, а может, он сдался еще на выходе из бара, но первый шаг все равно доверил Эль. И теперь пути назад не было.

Эль была права – этот парень творил губами магию. От его поцелуев плавилось тело и поджимались пальцы на ногах. От таких поцелуев одежда должна испаряться с тела, но, к сожалению, ее пришлось стягивать своими силами, и в этот момент Эль пожалела, что не надела юбку. С юбкой всегда проще.

Толстовка Фаустино полетела на пол вместе с футболкой, и Эль наконец-то попробовала на вкус его горячую кожу. От Фаустино пахло морозом и травами, и Эль словно воочию увидела альпийские луга с заснеженными вершинами где-то вдалеке. Когда с одеждой было покончено, Фаустино взглянул на девушку вопросительно, и она кивнула на тумбочку возле кровати. Фаустино все понял без слов, и это завораживало, делало ситуацию какой-то нереальной и волшебной. Они говорили, но на другом языке, все шло плавно и легко, без лишних жестов и неловкостей. Эль и не знала, что так бывает. Разве неловкость не часть процесса? Похоже, не с Фаустино. И пусть где-то на краю сознания Эль точно знала, что неловкость обя-

зательно нагрывает, просто немного позже, но сейчас ей это было неважно. Сейчас все выглядело сказочно прекрасно.

Эль вновь сдалась этим порочным и прекрасным губам. Ей было так хорошо, что хотелось смеяться и плакать одновременно. И ритм Фаустино, сначала до безобразия медленный, а потом сумасшедше быстрый, заставлял терять голову снова и снова. Позже, лежа на груди парня, Эль точно знала: она его не отпустит. Не сегодня. Осталось слишком много неизведанного, слишком много незацелованного, чтобы ограничиться одним разом. Будь воля Эль, она бы вообще заперла этого парня у себя на неделю, не меньше. Как жаль, что это незаконно.

– Я в душ, – хрипло сказал Фаустино. – Ты...

– Конечно, я тоже в душ, – усмехнулась Эль, ловя взгляд его внимательных глаз.

– А твоя соседка не вернется?

– Ее почти никогда нет. Дочь президента.

– Неплохо тебя заселили. – Фаустино кивнул на балкон, который действительно был шикарным, королевским, с такого удобно махать верноподданным и отстраненно улыбаться. Вот только зимой там приходилось постоянно вычищать снег, потому что весной он таял и норовил пробраться в комнату через щели, которых в старом замке предостаточно. Один такой потоп научил Эль махать лопатой своевременно.

Эль скромно потупила взгляд:

– Повезло.

Усмешка Фаустино стала совсем уж неприличной: конечно, он ей не поверил. Потому что такая удача даже теоретически невозможна. В случае с Эль удачу звали Гаем, который с кем-то договорился. Изначальным планом Эль была дружба с этой за три года так и оставшейся в ряду незнакомок девушкой. Но не всем планам суждено сбыться, что-то всегда идет не так.

В душ они пошли не сразу, Эль с головой накрыло желание поцеловать эти губы снова. И закрутилось: влажные простыни, сладкая боль во всем теле... Оба настолько вымотались, что в душе действительно только мысли. Ну почти. В Эль вселился демон, который все больше и больше мечтал запереть Фаустино де Веласко в комнате и запретить ему посещать ненужные лекции. А еще носить одежду, эти дурацкие лишние тряпки.

Забрезжил рассвет, ветер за окном стих, Эль ненадолго провалилась в сон, а когда проснулась, уже вовсю светило солнце – кажется, день обещает быть теплым и солнечным. Осенью в горах погода непредсказуема: снег может сменяться пронизывающим ветром, который сносит с ног, или ярким солнцем.

Рядом в кровати кто-то завопил, и Эль моментально вспомнила обо всем, что было ночью. Губы сами собой расплылись в улыбке. Может, и стоило выбрать кого-нибудь попроще, да хоть того же бармена, но Эль ни о чем не жалела. Пока слишком хорошо и лениво, чтобы жалеть, а дальше все пойдет по накатанному сценарию – отношения с парнями у Эль никогда не складывались и вряд ли сложатся в будущем, учитывая ее особенности. Но девушка давно с этим смирилась и перестала ждать чуда.

Глядя на спящего рядом Фаустино, Эль вспомнила о своих приключениях на первом курсе. Говорят, первый раз у девушек часто бывает неловким, но знают ли эти девушки о неловкости столько, сколько знает Эльфина Рейн? На том самом первом курсе она нырнула в подсознание Ланы Чемберс, а после... а после в Эль проснулась неумная тяга к мальчикам со странностями. Несколько дней Эль следила за Эрихом фон Регенсбергом, чтобы убедиться: никого более убогого в Глетчерхорне не существует, а после свела с ним знакомство.

Эрих был не только откровенно нескладным и несимпатичным, но еще и саркастичным, грубым придурком, который подругой обзаводиться не планировал, что только подстегнуло интерес девушки. Уже через пару дней она оказалась в комнате Эриха, они страстно целовались, все двигалось к очевидному концу. Эль откровенно любовалась щуплой фигурой парня. В лунном свете Эрих походил на бледную курицу, а его и без того страшное лицо приобрело

какое-то потустороннее выражение. И вроде бы ничего неловкого в этом не было, ведь о вкусах не спорят, но все самое интересное обнаружилось позже.

Фон Регенсберг, поняв, что стал первым парнем Эль, заявил, что она могла бы подыскать кого-нибудь получше, а не вешать эту ношу практически на незнакомца, затея-то идиотская. Затем он и вовсе выставил ее вон – она и одеться-то толком не успела. И после этого Эль не могла выкинуть прекрасного, противоречивого и недоступного Эриха из головы и почти месяц следила за ним. Да, тягой к странным мальчикам все не ограничилось, Эль вдобавок освоила еще и навык преследователя. Бедный фон Регенсберг не знал, как от нее избавиться, он орал, бесился, угрожал и даже топал ногами. Так привлекательно топал, что Эль ну никак не могла оставить его в покое!

Когда Сомнус Ланы Чемберс отпустил Эль, она еще долго ловила на себе настороженные взгляды Эриха фон Регенсберга. До конца года он обходил ее стороной, а затем перевелся на заочную форму обучения. Кажется, он до сих пор не окончил Глетчерхорн и время от времени приезжает сдавать экзамены, но наверняка все еще опасается Эль. За месяц напряженного преследования можно многое успеть, а Эль всегда была активной девушкой.

Может, сейчас Эль и не сталкер, но кто знает, что взбредет ей в голову. В одном она была уверена: Фаустино сбежит так же быстро, как и все остальные ее мимолетные увлечения. Но он хотя бы останется приятным воспоминанием, а это уже немало.

Глава 15

Фауст

ДО ВСТРЕЧИ С ЭЛЬФИНОЙ РЕЙН Фауст не подозревал, что в двадцать два года парень может банально не потянуть девушку. Раньше у него проблем с этим не возникало, а теперь... теперь он лежал, не в силах пошевелиться. Ночь прошла без сна, утром в лучшем случае удалось вздремнуть пару часов, а теперь он обреченно ждал, когда Эльфина вернется с кофе и завтраком, после которых они займутся «чем-то интересным». Фауст не стал уточнять, чем именно, опасаясь услышать ответ. Сам он мечтал спросить, какого черта Эльфина не захотела поспать еще немного, выходной же... Но за ночь он выучил: эта девушка каждое его слово расценивает как провокацию и кидается в атаку. А такое количество атак ни один мужчина не вынесет, это физически невозможно.

Начиналось все неплохо, странно немного и совсем не в его духе, но он уж точно не пожалел, что покинул бар вместе с Эльфиной. Он плохо соображал в тот момент, девушка его словно приворожила, стерла все границы и правила. Не сказать, что Фауст осуждал знакомства в барах, ему просто такое не очень нравилось, и до вчерашнего дня он всегда возвращался домой один. Но Эльфину трудно назвать незнакомкой, да и, если не кривить душой, она ему понравилась еще до их личной встречи. Правда, он полагал, что сама Эльфина его в лучшем случае презирует, а в худшем хочет ободрать его трастовый фонд, о котором не стоило даже упоминать. А на деле кто знает, что у нее на уме. Считать это пока не получалось.

Дверь распахнулась, в комнату ураганом ворвалась Эльфина, держа в одной руке стаканчики с кофе, в другой пакет из французской булочной. Пока Фауст вяло натягивал футболку и штаны, Эльфина успела распахнуть двери, ведущие на балкон, вытащить туда стол и стулья, разложить круассаны и макаруны. И откуда в ней столько энергии? Она ведь тоже не спала.

Эльфина устроилась на стуле с ногами, шурясь на ярком солнце и одновременно наблюдая за приближением Фауста. Сам он ощущал себя вампиром, выползшим из темной пещеры, вот-вот готовым сгореть дотла.

– Оказывается, в выходные никому нет дела до круассанов, все спят, – разулыбалась девушка, указывая на богатый улов. – Выбирай, там есть на любой вкус. Не знала, что ты предпочитаешь.

– Спасибо, – сказал Фауст, присаживаясь напротив.

Эльфина кивнула, внимательно наблюдая за его выбором. Фауст не любил сладости, поэтому круассан достал сырный.

– Так и знала. – Она опять улыбнулась, но уже хитро. – Хотя моим первым вариантом был круассан без начинки. Ты похож на человека, которому по душе классика во всех ее проявлениях. И ни шага в сторону! Никаких экспериментов!

Возможно, это был какой-то намек, но Фауст его не распознал.

Не дождавшись ответа, Эльфина придвинула к нему макарун – судя по всему, со вкусом соленой карамели. В этот раз она не улыбалась, а смотрела внимательно, серьезно:

– Это ты тоже должен съесть.

– Это?

– Так надо.

– Там паразит сознания? – догадался он, и от былой сонливости не осталось и следа.

Само слово «паразит» напрягло, заставило собраться и окончательно проснуться. Все эти штучки материалистов мало того что были противными, так еще и славились своей непредсказуемостью. А паразиты, насколько знал Фауст, могли запросто лишить человека личности, разума. Паразит делает то, что прикажет хозяин, а хозяин здесь... очевидно, это Паук. То есть подозреваемый Фауста, к которому он собирался подобраться.

Эльфина пожала тощими плечами:

– Тебе ведь нужны документы. Считай это платой.

– Я уже заплатил.

– И в твоих руках находится будущее. – Девушка выразительно кивнула на пирожное с начинкой. – Приятного аппетита.

– Обязательно делать это прямо сейчас? Можно... подумать?

– Подумай. Времени у тебя, скажем, до пятницы.

После появления на столе паразита Фаусту расхотелось есть, но он впихнул в себя проклятый круассан и запил все кофе. И думал он уже не о прошедшей ночи и о том, как все получилось, а о решении, которое придется принять. Он видел, что уговаривать Эльфину бесполезно, она просто пошлет его подальше. И это в лучшем случае, девушка она непредсказуемая. Тогда... придется рискнуть?

Фаусту еще не приходилось иметь дел с паразитами, он о них только слышал. Но Шарль ведь жив и здоров? Другим человеком не стал. Хотя непонятно, был ли там паразит... Фауст точно видел Эльфину в Фише, но что она сделала? Гадать можно долго, исход от этого не изменится.

– Я согласен, – сказал он и проглотил пирожное. Отвратительно сладкое, между прочим. Фауст вообще не понимал, что все находят в этих мелких недопеченьях.

Улыбка вернулась на лицо Эльфины.

– Хорошо, – ответила девушка. – Ты правильно поступил. В порядке информации: я могла все сделать без предупреждения, ты бы ничего не узнал и не почувствовал. Считай этот жест предложением дружбы.

– Очень мило с твоей стороны.

– Знаю. Так... Вернемся к тому, с чего начали?

Начали?!

Фауст быстро встал:

– Спасибо за завтрак, но я должен идти. – Прозвучало резко, и парень мысленно вздохнул: ну не умел он ловко обходить все преграды в общении, он вообще любил прямооту. – Я не... просто надо отдохнуть, подумать обо всем.

– О чем ты собрался думать? – Эльфина явно не собиралась идти ему навстречу.

– О паразите сознания.

– Зачем о нем думать?

– Уговорила, о нем думать не буду, а просто посплю.

– Днем? – Она выразительно закатила глаза. – Ладно, я тебя поняла, бедный уставший мальчик. Кстати... у меня есть гипнотин, мы могли бы... немного расширить сексуальный опыт, заодно и телу дать отдохнуть.

– Предлагаешь заняться сексом в подсознании?

– Говорят, это весело. Можно экспериментировать так, как в реальности ни за что не получится из-за физических ограничений. А фантазия позволяет многое, например использовать шупальца. Это очень сильно разбавляет приевшуюся серость жизни.

Фауст просто надеялся, что она прикалывается.

– Ни разу не пробовал, – серьезно ответил он, – но, пожалуй, если хочешь, вечером можем попытаться. Хотя реальность мне не успела наскучить, не назвал бы ее... серой. А для тебя... – Он правда не хотел задавать этот вопрос, оно само как-то вырвалось: – А для тебя она была серой? Сегодня ночью?

Эльфина задумчиво уставилась на белые горные вершины:

– Да нет, все было неплохо.

Прозвучало неубедительно, но на всякий случай лучше не уточнять – самооценка целее будет. Когда Фауст уже собрался прощаться, Эльфина повернулась к нему и с улыбкой спросила:

– Ты сказал, что Генри Кавендиш твой друг. Вы правда друзья?

– Правда.

– Хорошо. Тогда вечером можешь привести его, он вроде ничего. Раз ты любишь реальность, то и ее можно разнообразить... реальным путем. – И, пока Фауст переваривал услышанное и раздумывал, кроется ли здесь недоступный для него юмор, Эль подхватила со стола тарелку с остатками завтрака и скрылась в комнате.

Фауст ушел от Эльфины крайне озадаченный.

Добравшись наконец до своей комнаты, Фауст быстро разделся, принял душ и завалился в кровать, решив, что юморные секс-головоломки лучше оставить на потом. Но солнце нагло заглядывало в окна, мешая уснуть, а странный диалог с Эльфиной не выходил из головы. Во-первых, секс с гипнотизмом – это для стариков, которым только и остается, что воображать себя молодыми и полными сил. Ладно, еще, пожалуй, для извращенцев с тентаклями. Во-вторых, Фауст ни разу о таком даже не задумывался, его все устраивало и в реальности. И в-третьих... привести Генри?! Зачем она это предложила? Фаустино совсем ей не понравился? Или это опять странный юморок?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.